

МАКСИМ
ВОЛОСАТЫЙ

МАГИ КЛЕВЕРА



СОЗДАТЕЛИ МАКСИМ

Мир Клевера

Максим Волосатый

Маги Клевера

«Автор»

Волосатый М.

Маги Клевера / М. Волосатый — «Автор», — (Мир Клевера)

Эта история начинается с того, что некие креативные парни на планете Земля открывают магические врата в чужой мир. Превосходный мир с восхитительной экологией. Правда, там уже обитают разумные существа – аталь, маги, немного похожие на эльфов. И им очень не нравится, что какие-то посторонние недочеловечки используют их мир как базу для пикников. И они наказывают туристов. По собственным законам и с изощренной жестокостью. Людям это не нравится. И начинается война. На территории аталь. Магия против современной военной техники. Сначала побеждают люди, а потом... Потом магия. И спастись удастся только очень маленькой группе землян. Тоже магов. Слабеньких магов, но есть в Мире Клевера место, где их слабость может обернуться настоящим могуществом...

© Волосатый М.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	55
Глава 15	59
Глава 16	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Максим Волосатый Маги Клевера

Часть первая

Глава 1

Экспедиционный Корпус погибал. Объединенные силы нелюдей прорывали линию фронта где хотели и как хотели. Без огнестрельного оружия, блокированного невиданным заклинанием, войска не могли оказывать достойного сопротивления, и сверкающие броней ряды глеммов, равно как и беспорядочные с виду орды торков, свободно перекатывались через оборонительные порядки людей, создавая бесчисленное множество больших и малых котлов, в которых тысячами гибли солдаты Земли. Сверху непрерывным дождем сыпались стрелы. Аталь, бесподобные лучники, теперь могли занимать какие угодно позиции и от души оттягивались, затеявая между собой соревнования, кто быстрее выбьет оговоренное количество людей.

Но смерть несли не только нелюди – вовсю работали и заклинания. Воплощенные монстры утоляли магический голод. Молнии били практически не переставая: ученики до-халь спешили использовать возможность попрактиковаться, мстя за пережитый страх. Ядовитые облака полуразумного газа целенаправленно искали людей, куда бы те ни спрятались. Одно из таких облаков неспешно подплыло к группе, затаившейся в кустах на выходе из небольшого оврага, и как бы в нерешительности остановилось.

– Иди себе с Богом, эльфы мы, эльфы, – Семен Точилов, командир спецгруппы Управления Практической Магии Министерства обороны РФ, махнул рукой облаку, и то, приняв, наконец, решение, поплыло себе мимо, надумав-таки поискать именно людей, а не непонятных существ, чья принадлежность к аталь хоть и вызывала сомнения, но была довольно явной. Семен оглядел напряженные лица соратников, вымазанные эльфийской кровью, и невесело хохотнул:

– Боря, расслабься, я же не дергаюсь, когда ты молнии отводишь, это ты умеешь, я знаю. А полуразумные сущности – моя специализация.

Его спокойный ироничный тон несколько смягчил напряжение, которое владело всеми. Борис, эксперт по энергетическим воздействиям, вяло отмахнулся, неуклюже пытаясь пошутить:

– Это ты знаешь, что они неопасны, а им забыли сообщить.

Шутка не прошла. Тяжесть, висевшая над группой, никуда не исчезла. День клонился к вечеру, но казалось, он длится уже целое столетие. Того, что людям пришлось пережить за этот день, каждому хватило бы на десяток жизней. Группа находилась практически на линии фронта, с тем чтобы быть как можно ближе к источникам боевых заклинаний, и приняла на себя – вместе с передовыми частями – удар торжествующих нелюдей. Если бы не некоторые познания в хальер, которые успели накопить разведки и исследовательские центры людей, никто из группы не выжил бы, как не выжил практически никто из личного состава частей, стоявших на линии фронта. Но специалисты по раннему предупреждению магических ударов прибыли из Франции как раз для проверки своих способностей в этой области. Они подвесили на ночь несколько следящих заклинаний – арканов, как они их называли. Поэтому, когда утренняя тишина внезапно взорвалась диким звоном и звуками «Марсельезы» (шутники решили, что такой сигнал оповещения вполне подходит для аркана французской работы), группа ученых успела хотя бы проснуться. Навыка подъема по боевой тревоге, естественно, ни у кого не

было, и пропали бы научные мужи ни за понюшку табака, но усиленное изучение неизвестной науки сделало свое дело. Чтобы создать теорию магии, чуждой людям, надо было для начала накрепко затвердить азбучные истины и исходные данные. Поэтому, выйдя из палатки и увидев несущуюся на них стену огня, Борис, сотни раз моделировавший эту ситуацию, выжимавший досуха всех халь, доставляемых в лабораторию в качестве пленных, неожиданно даже для самого себя вдруг замахал руками и заверещал что-то на непонятном языке. Огонь не отреагировал никак. Но когда ревущее пламя пронеслось через них, оставив за собой людей с остекленевшими глазами и картинно стоящими дыбом волосами, выяснилось: везде, куда доставал взгляд, выживших не осталось. Никого. Кроме них самих и взвода дивизионной разведки, при первых же признаках опасности примчавшегося спасать ученых. Никого.

Осознав, что чудом остались в живых, люди как по команде уставились на Бориса. Смотрели, может, не как на мессию, но уж как на живого апостола – точно. Борис, как мог, сбивчиво объяснил: дело, собственно, в заученном заклинании, вон, у французов тоже работает. И на ученых снизошло отчетливое понимание: то, что они изучали в теории, уже подтверждено страшной практикой. Они бы, наверное, так и остались там, на выжженном поле, так как нелюди начали атаку сразу после нанесения магических ударов, но тут уж всех выручили разведчики.

Повидав за время этой шизофреничной войны еще и не такое, они не стали предаваться отчаянию, но отнеслись к происходящему философски. И – по-военному. Ну выжгли передовые части, ну перешли в контрнаступление. Ничего страшного, потом вернем, еще и с процентами. И даже потом, осознав всю трагичность и безнадежность ситуации, они так же спокойно и доходчиво объяснили ученым: как бы ни повернулась ситуация, думать будут те, у кого соответствующие головы на погонах есть, а их дело – вернуться, принеся с собой максимум информации, и, если получится, постараться перед уходом как можно сильнее напакостить. Но всё это было потом, а тогда, стоя на дымящейся земле, разведчики похватили ученых, впавших в прострацию от осознания многих истин, и быстро-быстро потащили их в тыл, так как в пределах видимости уже сотрясали землю первые ряды хорда глеммов, а оказаться мишенью для стрелков аталь, поддерживающих хорд, не улыбалось никому. Уж они-то знали, как аталь обращаются с луками и пращами. Да и глеммы могли чрезвычайно заинтересоваться: что это за группа маячит там, где, по идее, никого в живых быть не должно. Мгновенная реакция разведчиков спасла всех, однако научная группа при этом потеряла все записи и наработки. Бойцы даже квакнуть не дали слабо трепыхающимся ученым, похватав их в охапку и буквально на руках утащив назад. А когда итальянец Джузеппе Строщи решил все-таки объяснить непонятливым солдафонам ценность оставляемого, молчаливый разведчик просто ткнул его лицом в обожженный труп какого-то бедолаги, а потом развернул в сторону неумолимо приближающихся шеренг, ошестинившихся всеми видами колющего и рубящего оружия. Вопрос был исчерпан. И черт бы да с ними, с этими записями, но вот воспроизвести по памяти рунное заклинание портала не мог ни один из двух имеющихся в составе группы телепортистов. Формулу портала с Земли к аталь знали все. А вот формула перехода из Зеленого Лепестка в Огненный, домой то есть, была только-только открыта. И теперь группа пребывала в глубочайшем унынии, размышляя, сколько еще времени им отпущено, прежде чем нелюди найдут их в этом овражке. До сих пор разведчики достаточно успешно обезвреживали всех случайных солдат противника, оказывавшихся поблизости. Но ведь среди них не было ни одного халь. Между тем ученым представилась прекрасная возможность попрактиковаться в магии, так как после ограничений, наложенных снайперами и артиллерией, практически все халь, находящиеся в зоне боевых действий, стремились продемонстрировать свое искусство. И огромным везением было то, что группу собирала и направляла ООН, которая решила провести совместные консультации на местности в расширенном составе, а значит, привлекла представителей всех изучаемых на практике направлений магии. Накопленные ими знания пока что позволяли выжи-

вать и эффективно противостоять заклинаниям общей направленности, но никто не брался предположить, что будет, если на группу набредет настоящий халь. А что рано или поздно это случится, никто не сомневался – изменение линий хальер не почувствовать невозможно.

Последний час, по рекомендации военных, заставивших дать отдых кипящим мозгам, провели в безделье, поедая сухой паек, раздобытый где-то разведчиками, и заново переживая произошедшее. Несчастные телепортисты так и не смирились с отсутствием записей и продолжали с маниакальным упорством чертить на земле различные варианты формулы построения портала, пытаясь заново изобрести ее. Процесс начертания каждого нового варианта проходил по одной и той же схеме: при первых штрихах с их стороны слышались нежные уговоры и приглушенные мольбы, а по завершении раздавался с каждым разом все более и более громкий и изощренный мат.

– Опять молнии, – в враг откуда-то сверху свалился дозорный.

Отдых кончился. Борис вздохнул и начал карабкаться повыше, чтобы обозреть происходящее и прикрыть в случае надобности группу. Ничего особенного. Опять какой-то до-халь напутал с расстоянием и пустил линию молний за несколько километров от уходящего фронта, а может, и местность зачищали. И все же, хоть молнии – одно из самых простых заклинаний, Бориса все равно ощутимо потряхивало.

– Ничего, Борь, мы в тебя верим, – Семен расслабленно полулежал на груди листьев и, казалось, совершенно не интересовался происходящим. Однако при этом он умудрялся видеть всё, что творилось с людьми. Он единственный из всех поддерживал шутливо расслабленную манеру разговора, и остальные, видя постоянно перед собой такой пример беспечности и уверенности, тоже понемногу оттаивали. Все-таки, когда начальник говорит, что ничего страшного не происходит, становится легче. Когда есть на кого переложить решение проблемы, а этот кто-то уверен, что всё под контролем, надежда появляется сама собой. Так уж люди устроены. Сам-то Семен дергался ничуть не меньше, а то и больше подчиненных, но при этом он четко осознавал, что сейчас все смотрят именно на него, и, пока он делает вид, что все идет как задумано, люди будут работать. Покажи, что ты боишься тоже, – получишь неуправляемое, обезумевшее от страха стадо. А так командир группы являл собой единственную связь с привычным миром, незыблемое свидетельство понятной структуры жизни. Земля по-прежнему была здесь. И страхами своими Точилинов не стал делиться ни с кем. Даже с командиром разведчиков. Когда капитан сунулся было к нему с приватным разговором, мол, что делать будем, шеф, беда, Семен, вспомнив, что он значительно старше по званию, построил бедолагу по всей форме: «Вы, товарищ капитан, ничего не забыли? Ничего, что к целому полковнику на „ты“ обращаетесь? Конечно, виноваты. У вас приказ есть? Отлично. Повторить! Вот и выполняйте. Физическая безопасность группы должна быть обеспечена, остальное – наши проблемы». И понял, что угадал. В затравленном взгляде капитана начало проступать осмысленное выражение. Мир становился на свои места, и капитан, козырнув, пошел распространять обретенную уверенность на подчиненных. Через пару минут все бегали как положено, абсолютно уверенные, что всё идет в соответствии с планами командования.

«Хорошо с военными, – вздохнул про себя Семен. – Сказано, бурундук – птичка, значит, будет чирикать». Научные люди – существа с более тонкой душевной организацией и, соответственно, более подвижной психикой. Каждый час до кого-то доходило истинное положение вещей – и людей вскидывало. Приходилось вмешиваться. Кого-то надо было уговорить, на кого-то прикрикнуть, а кого-то и высмеять. У Бориса, например, внутренний голос всю орал про катастрофу, а глаза, наблюдающие иронично усмехающегося Точилинова, успокаивали разбушевавшийся мозг – и Борис включался и делал что требовалось.

Вот и сейчас он беззлобно ругнулся и подобрался, готовясь отводить идущий на них фронт молний. Эти заклинания не были чем-то особенным, и Борис, пробормотав положенные формулы изменения линий (он уже понял, что орать совершенно необязательно), начал натя-

гивать линию, ответственную за энергетические разряды, чтобы создать необходимое напряжение. Молнии не будут бить по участку, где уже есть необходимая концентрация хальера.

Семен тем временем, убедившись, что все идет как надо, решил приподнять боевой дух телепортистов:

– Что, балбесы, опять буковки не складываются?

«Балбесы» хмуро оглядели подошедшего полковника, и только врожденная скромность и тактичность не позволили китайцу Се Ляо Юй обматерить старшего по должности. Строцци же, даром что майор, подобной сдержанностью не страдал. Минуты две он очень эмоционально рассказывал Точилинову, что он думает про рунную магию, недалеких солдафонов, которые не дают забрать записи, про нелюдей, про эту дурацкую жизнь вообще и про лезущих с указаниями начальников в частности. Монолог был выдан на итальянском, но Семен общую канву уловил, хотя честно продолжал слушать с глуповатой улыбкой на лице. Китаец помалкивал, но во взгляде чувствовалось если не одобрение мыслей коллеги, то, как минимум, уважение к ним. Дав Джузеппе выпустить пар, Точилинов заглянул в глаза уже вошедшему в раж итальянцу и задумчивым голосом тихо спросил:

– Ты что, майор, совсем страх потерял?

И, уже не сдерживаясь, выплеснул на несчастного ученого всё напряжение, копившееся с самого утра:

– Вы тут что, совсем охренели? Вы, б...дь, офицеры или где? Смир-р-на!

Телепортистов подбросило. Вытянувшись по струнке, они ели глазами внезапно расширевшее начальство.

Всё-таки Семен не всегда ученым был. В магию он пришел из строевых частей. И строить подчиненных, соответственно, умел.

– Ничего, что тут целый полковник перед вами находится? Или Устав и принцип единоначалия в армии уже отменили? Про ответственность за невыполнение приказа в зоне боевых действий все помним, а, майор?

Уже осознавший всю пагубность выбранной тактики общения с начальством, Строцци судорожно закивал, не сводя взгляда с пистолета, который Точилинов непонятно когда достал. Семен сам посмотрел на пистолет, как будто в первый раз его увидел, недоверчиво хмыкнул и убрал. Потом перевел мутный взгляд на ученых. Те только немалым усилием воли не отшатнулись.

– У вас есть определенный участок работ?

Два кивка.

– Формулы все написаны?

Еще два кивка.

– Не слышу, написаны или нет?

– Так точно! – Оба вспомнили, как по Уставу положено отвечать.

– Где они?

Итальянец несколько оторопело махнул рукой:

– Там.

– Где? – Ничего не понимающий в рунах Точилинов, тем не менее, пристально вглядывался в формулы, написанные на земле. Может, они действительно делали всё возможное и невозможное, но уж больно вид у обоих был удрученный. Следовало взбодрить. И Семен опять подпустил зверя в голос:

– Это? Это что, б...дь? Это не формулы, а каракули обоссавшегося енота. Что вы мне тут, на хер, пишете? Базовую формулу перехода в разных позах я могу и бойцов заставить написать. Вы ученые или что?

Вытаращенные глаза телепортационного интернационала ясно свидетельствовали, что они, конечно, ученые, но – а дальше-то что? Срочно требовалась умная мысль. Только откуда

ж ей взяться. Была бы, давно бы использовали. Ну а раз нет у самого, надо напрямчь подчиненных. Свистящим театральным шепотом, слышным на другом конце оврага, приблизившись практически нос к носу, полковник начал накачку:

– Всё, что знаете! Сейчас! Здесь! Написать! Скомбинировать во всех возможных вариантах! Дать результат! Про магию крови слышали? Говорят, на крови переходы сами строятся. Если к вечеру отсюда не выберемся, будем проверять гипотезу на практике. С тебя начнем.

Семен резко ткнулся в обалдевшего от такого поворота китайца.

– Всё ясно?

Се Ляо Юй, к слову сказать такой же полковник, судорожно кивнул.

– Вы-пол-нять!

Итальянец, понявший, что сейчас вроде бы пронесло, и китаец, осознавший, что мимо него как раз может и не пронести, кто их знает, этих русских, рванулись к формулам.

Пару минут постояв в стороне и понаблюдав за разворачивающейся дискуссией, Семен тихонько отошел. Вроде мысли у них какие-то появились. На ходу доставая сигареты – слава богу, они хоть в рюкзаке оказались, – Точилинов подошел к наблюдавшему за экзекуцией капитану разведчиков:

– Вот так-то, главное вовремя пнуть.

– Сильно вы их, Семен Алексеевич.

– Учись, капитан, полковником станешь. Когда выберемся.

– Ага, когда выберемся. А пока, может, мне моим тоже боевой дух приподнять?

Однако идея не прошла. Разведчики, с интересом прислушивавшиеся к воспитанию телепортистов, правильно поняли, что теми дело не ограничится, и, как только завязался разговор, мгновенно начали заниматься вдруг появившимися делами, развивая бурную деятельность. Кто оружие чистил, кто снаряжение подтягивал, кто в вещмешке порядок наводил.

– Ха, наивные, они что, думают, мне докопаться не до чего? Щас найдем.

Капитан, придумав себе полезное занятие, резко повеселел.

– Погоди-ка, – остановил его боевой задор Семен, – пойдем лучше посмотрим, как там дела у Бориса, что-то перестала нравиться мне его ситуация.

Борису ситуация перестала нравиться гораздо раньше. Проходящий практически мимо фронт молний, вместо того чтобы окончательно начать уходить, повернул прямо на них. Через несколько минут он накроет весь овраг.

– Что случилось, Боря?

– Сам не пойму, Семен Алексеевич. Он уходить должен, а вместо этого на нас разворачивается. Я всё по правилам делал, в прошлые разы работало.

– Значит, с чем-то новым столкнулись. Капитан, поднимай людей. Тревога. Телепортисты пусть работают. Ты передай им, что до сеанса магии крови они могут и не дожидаться.

Капитан кивнул и исчез. Из оврага послышались команды и лязг оружия. К магам поближе подтянулись дозорные, сидевшие в секретах.

Молнии меж тем дошли до края оврага. Борис все-таки сделал все правильно. Часть оврага, где находились люди, накрыло защитным куполом. Там ничего не происходило. Вот только легче от этого не стало. Фронт превратился в кольцо, окружившее группу. Стена молний отрезала людей от остального мира. Гром оглушал. Семен добрался до капитана.

– Что с переходом? – Орать приходилось прямо в ухо, но и так почти ничего не было слышно.

Капитан махнул рукой в сторону телепортистов. Ребята, надо отдать им должное, не запаниковали, не ударились в истерику. Обмениваясь краткими репликами, почти не слышными из-за грома, помогая себе жестами, они в бешеном темпе чертили что-то на земле. Трогать их сейчас было бессмысленно.

– Боря, сколько такое может продолжаться? – Точилов знаком подозвал к себе мастера энергий.

– Зависит от силы халь. В принципе, долго. Здесь, я так понимаю, работал на-халь, причем не один.

– Скажи, – Семен пристально глянул в глаза ученого, – а случайно это могло произойти? Ну, неадекватно отреагировал фронт, нашел на ком энергию сбросить, или еще что?

Борис внезапно отвердел лицом и очень спокойно ответил:

– Очень и очень вряд ли.

– Значит, все-таки нарвались, и это кольцо просто маркер для на-халь. Нас таки нашли.

И поднял голову, ощутив напряжение линий хальер. Высоко-высоко над группой кружилась красная точка. Плохо дело, понял Точилов. Летучий Зверь. Звери четко делились по цвету. Про Красных Зверей полковник и слышал-то всего лишь однажды, случайно. Нахаль редко попадали в лаборатории Земли. Но вся информация, которая у него была, говорила об одном – это заклинание одно из самых сильных. «Здравствуйте, – зло подумал Точилов. – Добро, значит, пожаловать. Наслышаны, наслышаны. Вот только счастья от визита, извините, не испытываем, уж лучше бы мы к вам». Уверенности, что он сможет противостоять Красному Зверю, не было, скорее, наоборот. Это ловушка. И в подтверждение догадки по краям оврага выросли насмешливые в своей молчаливости и неподвижности фигуры аталь с натянутыми луками. Зверь начал снижаться.

Семен рванулся к телепортистам.

– Джузеппе!..

Итальянец, не отрываясь от бешеного начертания рун, молча махнул головой – не мешай, вижу. Маги, приготовив весь свой невеликий арсенал, замерли вокруг последней своей надежды. Эти двое должны умереть последними. Между магами стояли разведчики, сжимая бесполезные на расстоянии ножи. Красный Зверь выписывал круги прямо над молниями, издавая пронзительный вой, пробирающий до ногтей. В центр рун вдруг воткнулась стрела, виртуозно пущенная в промежуток между молний. Аталы решили поговорить. Редким животным, знающим магию, предлагали сдаться.

«Всё, – мелькнуло в голове Точиловой. – Не уйти». В конце концов, любое везение заканчивается. И то сказать, не должны они были выжить, не должны. Слишком хорошо аталы подготовились. И в свою игру играют. Магия на магию. Куда уж им против гвардии. А то, что это гвардия, видно сразу. Изумрудные одежды стрелков-листьев и боевые султаны халь со свисающими амулетами, шлемом покрывающие головы, говорили сами за себя. «За нами шли, – отрешенно подумалось Семену. – Такой набор наверняка только для нас собран. Для регулярных частей столько элиты не нужно. Поймали, твари». Верхняя губа сама собой поднялась в волчьем оскале. Он медленно оглядел неподвижные ряды. Застывшие нечеловеческие лица, напряженные взгляды, готовые сорваться стрелы и заклинания. Узковатые, удлинненные глаза внимательно смотрели на кучку людей. Семен скользил взглядом по шеренгам, сам не зная для чего, вглядываясь в лица. Вот какой-то начальник стрелков, зеленая повязка на лбу. Стрелки на себе носят только амулеты, больше ничего вообще, это особый шик воинов-листьев, так что любая деталь в одежде – отличительный знак. Хищное тонкое лицо, острый подбородок, узкие плечи, зеленоватые волосы, стянутые назад, взгляд как прицел. Листья сами напоминали стрелы, готовые в любой момент бесшумно принести смерть любому, кто осмелился пойти против непобедимой Старшей Расы Клевера. Несмотря на внешнюю субтильность, силой они обладали немалой, Семен это хорошо помнил, хоть и общался в основном с халь.

А вот и они. Такие же тонкие лица, но почему-то чуть шире, кормят их, что ли, лучше? Раньше у Точилова не было возможности сравнивать их вот так, стоящих рядом с воинами. «И лучше бы и дальше не было», – с грустной усмешкой подумал он. А стоят красиво, величаво. Высокие лбы почти полностью прикрыты свисающими с султанов амулетами. Сплошь высшие

маги, на-халь, – по две серьги у каждого в удлинённых острых ушах. Та же хищная красота готовой ударить стрелы. И – презрение. Чем отличались халь, так это презрением. Даже на допросах. Воины, они проще. Вот ты, вот я. Кто сильнее, тот и победил. А халь презирали. Всех. Как же, высшая ступень развития живого существа. И таки победили они.

«Хрен вам», – зло и упрямо выдохнул Семен. Пока гвоздик не заколотили и земелькой сверху не присыпали, ничего еще не кончено. Хотя шансов, конечно, всего ничего. Тут не только аталь. Даже глеммов притащили, вон топчутся возле начальства. Квадратные невысокие фигуры, напоминающие каменные валуны, придавали монументальность группе, стоящей особняком. От души готовились, чтобы совсем без шансов. Боятся. И правильно делают, не один халь лег в этой войне. И не один еще ляжет, хоть и громят сейчас людей. «Еще не всё», – упрямо твердил себе Точилинов. Вот только возвращать долги, судя по всему, будут уже не они.

«И черт с вами». Семен последним усилием расправил плечи и так же презрительно глянул на главного халь, молча стоящего на краю оврага, впереди всей своей свиты.

И встретился с ним взглядом. И вздрогнул, узнавая под свисающими на самые глаза амулетами, того самого пацаненка...

– А ведь я тебя пожалел, поганца. – От бессильной злости Семен не удержался и прошипел вслух. Но никто не услышал. А если бы и услышал, то не понял. А Семен смотрел, и внутри закипала яростная обида непонятно на кого. Нет, конечно, он знал, что, жалея врага, он давал тому шанс встретиться с ним в бою. Всё он понимал, всё... Но вот такого презрения, которое просто рвалось из глаз тен-галя Каллимо, как теперь уже понятно, советника самого Принца Лианы зол-италь Санделя, он не ждал. Все что угодно – злость, ненависть, ярость... Но не презрение. Презрение к человеку, который дал тебе жизнь, считай. Презрение к воину, проявившему уважение к врагу. Плевок в лицо в ответ на протянутую руку. «И ведь ты, собака, принял мою помощь. Не плюнул в ответ, презирая тогда. Принял, а вот теперь плюешь, превращая благородный порыв в несусветную дурость», – кипел Точилинов. Ведь он тогда в благородство сыграл, чистеньким перед собой вышел, наплевав на всех: мол, вы мясники, а я... А теперь... Ощущение собственной глупости, прикрытой налетом дешевой романтики, оказалось непереносимым. Вот за это Семен был готов сейчас щенка (хотя какой уж он теперь щенок) удавить голыми руками. Так, чтобы треснула гортань под судорожно сведенными пальцами, чтобы руки ощутили кости, чтобы плоть рвалась и трещала, чтобы кровь, такая же красная, как у всех, залила безупречно презрительное лицо. Ай, как стыдно-то, как плохо-то перед собой оправдываться. Другому можно объяснить, доказать, убедить. Себе не докажешь... И черт его тогда дернул...

Глава 2

– Разрешите, товарищ генерал-майор? Полковник Точилов по вашему приказанию прибыл, – доложил Семен, входя в кабинет.

– Садитесь, товарищ полковник, – генерал-майор Каретников, целый замначальника Главного Управления Кадров, по чьему прямому приказу Семена выдернули со службы и отправили в Москву, указал на кресло перед столом, – представляю вам начальника Управления Практической Магии Генерального Штаба генерал-майора Йенсена, Торвальда Эриковича. Вы переходите в его Управление на должность первого заместителя.

Семен присмотрелся к новому начальнику. Видел он его впервые. Высокий, даже сидя видно. Судя по имени – корни шведские. Хотя от шведа у него была только шевелюра пшеничного цвета. Все остальное скорее откуда-то из Древнего Рима утащено. Четкий профиль, волевой подбородок, глаза чуть навывкате, жесткая линия рта. В общем, достаточно аристократичный красавец в самом соку. Дорогой костюм на нем смотрелся бы лучше, но генерал-майорская форма тоже сидела очень и очень ничего. «Вот вокруг него, наверное, бабы-то в штабеля складываются», – не к месту мелькнуло в голове. Точилов помотал головой, отгоняя неуставные глупости.

Нет, конечно, он всё уже заранее знал и все предписания на руки получил. Нынешняя встреча – всего лишь дань штабной культуре, – первого зама управления, пусть нового, не перебрасывают письмом, как лейтенанта какого-нибудь. И всё же – до чего по-дурацки звучит. Семен едва сдерживал хохот, получив предписание, хихикал, ходя по коридорам ГУКа, посмеивался, готовясь к представлению. Сейчас смешки кончились, хотя внешне ситуация выглядела абсурдно донельзя: Управление Практической *Магии* при Генштабе! Торвальд Эрикович Йенсен, генерал-майор, его начальник. Уписаться можно. Но это внешне. А на деле, в ГУКе плохо понимают шутки, тем более такие, как создание нового Управления. И заниматься *Практической Магией* ему придется на самом деле. И-и-хе-хе-хе! У-у-ха-ха-ха! Замечательно, а чего делать-то? Сушеных летучих мышей по стенкам развешивать? Или на метле летать по ночам? Изделие ПЛМ-19М – Помело Летучее Магическое, версия 19, модернизированное? Свиток Заклинательный, допуск секретности по форме № 2? Семен, конечно же, заполнял тесты, в обязательном порядке разосланные в войсках. Поговаривали, что они как раз для этих целей и составлялись, но что они могли там у него найти экстрасенсорного, Точилов ума не мог приложить. Но вот нашли ведь.

– В общем, удачи, товарищ полковник, на новом месте службы, – закончил выступление Каретников.

Семен моргнул – он, оказывается, всё прослушал. Ну да ничего. Все равно всё нужное ему сейчас Йенсен будет рассказывать, а до этого лирика напыщенная была.

– Ну, позвольте откланяться, – поднялся Йенсен совершенно не по-военному.

– Разрешите идти, товарищ генерал-майор? – по Уставу встал Точилов.

– Идите, – благосклонно кивнул из-за массивного стола Каретников, – и удачи вам в вашем нелегком труде.

Пока дверь закрывалась, Семен все пытался понять: он поиздевался или как?

– Пошли, – когда дверь закрылась, Йенсен простецки подтолкнул Точилова в спину, – получим проездные и двинемся, машина ждет. У тебя вещей много?

– Нет, – Точилов, даром что до полковника дослужился, жил бобылем, семьи не было, вещей, соответственно, тоже кот наплакал. – А зачем двигаться? Куда? Не здесь мы разве?

– Нет, – Йенсен улыбнулся, – я из Питера, вот и выбил себе дислокацию дома. Тем более что народу надо много с водой работать, с камнями, природа нужна. И спокойствие. А Москва

уж больно суетная. Ломиться вперед за достижениями – места лучше не придумаешь, а вот мыслью растечься или помедитировать спокойно, творить – это не здесь.

Подборка всех документов заняла час, еще час они постояли в пробках, добираясь до гостиницы. Всё это время о делах не было сказано ни слова, и только когда автомобиль с Йенсеном и Точириновым, ведомый в глухую тонированной машиной сопровождения с двумя мигалками, тронулся и Йенсен поднял перегородку, отделяющую их от водителя, и что-то там у себя переключил на подлокотном пульте, Точиринов не выдержал:

– Шикарно живем, товарищ генерал-майор.

– А то, – Йенсен достал сигареты, – мы теперь фигуры о-очень значимые. Что дома, что по всему миру. Привыкай. Куришь?

Семен кивнул и тоже достал пачку:

– А с чего нам такой почет, товарищ генерал-майор? – Приятно, конечно, но лучше всё до конца выяснить.

Йенсен покривился:

– Давай без званий. Я, если ты еще не понял, человек не очень военный, несмотря на то что погоны кинули, мне проще, когда по-человечески.

Точиринов пожал плечами, по-человечески так по-человечески, еще и лучше.

– Зовут меня Торвальд, псевдоним Гермес, внутренний код – 7. Обращаться лучше по псевдониму, тебе тоже что-нибудь придумаем.

Тут покривился Семен. С детства он не имел ни одного прозвища, не липли они к нему.

– Ну, как хочешь, – развел руками Гермес.

– Так что насчет всего этого? – повертел пальцем в воздухе Семен.

– Все просто. Ты про операцию «Конкистадор» слышал?

– Краем уха, – хмыкнул Точиринов.

Не слышать про «Конкистадор» было невозможно. Параллельные миры, разумные расы. Магические штучки, открытые группой ученых-фанатиков. Существа, похожие на эльфов, гномов и орков из сказок. Точиринов всех деталей, естественно, не знал, но подозревал, что ребята были малость того, этого... В общем, открыли они это все самостоятельно, без ведома какого-либо правительства. Еще бы, кто на такую белиберду денег даст? Ну открыли и открыли, а потом «магическую» формулу перехода закинули в Интернет. Ой, что началось! Космический туризм в планетарном масштабе, автостопом по Галактике. А эльфы (аталь, как они себя называли) никакой радости не испытали. Мало того, ограждали они себя от любопытных очень и очень жестко. С убитыми и ранеными. Тут уж и правительства подключились. Защита сограждан и всё такое. Тем более что война – такой замечательный повод решить пару-тройку проблем внутри страны. В общем, слово за слово, пришлось начинать вторжение. Ничего умнее не придумали, как дать название «Конкистадор». Как-то благополучно забыли, что испанцы-то в итоге цивилизацию порушили. А аталь вовсе и не индейцами оказались. В ответ так врезали, что мало, судя по всему, не показалось. Конечно, официально ничего не сообщалось, но военные кухню-то свою знают и выводы делать умеют. Когда дивизия за дивизией снимается и куда-то уходит, да не заштатные части, а настоящие боевые, то картина потихоньку вырисовывается. И снабжение молотит как оглашенное. Слухов было достаточно, а вот очевидцев пока не было, всё только-только началось, еще никто и не вернулся, чтобы сплетни принести. Только «двухсотые» да раненые, но на этих такой режим секретности повесили – не подходи. Однако слухи про какую-то магию (хи-хи) ходили, а потом в частях распространили и заставили заполнять какие-то странные тесты. Поговаривали, по этой части. Вот, в принципе, и всё.

– Тесты, говоришь? – довольно ухмыльнулся Йенсен и шуточно постучал себя по груди. – Я придумал. Хорошая вещь оказалась.

– Меня из-за них к тебе направили? – Сам просил на «ты» обращаться.

Йенсен и ухом не повел.

– Именно, – покопался в портфеле и достал два листка, один из которых Семен уже видел, заполняя тесты. На нем был нарисован цветок клевера. На втором красовался дворец в окружении зелени. – Что видишь?

– Цветок клевера и дворец с деревьями.

– Ага, – удовлетворенно выдохнул Гермес, – а вот остальные ничего не видят. Тот же Каретников просто чистый лист наблюдает, я ему тоже подсовывал. Почему? Да потому что эти рисунки мне настоящий халь рисовал, по всем правилам. И весь тест составлен на чувствительность к магии, хальер на аталите.

И рассмеялся, глядя на ничего не понимающего Семена.

– Аталит – это язык аталь, – пояснил он.

– А хальер? – Точилинов поудобнее устроился на мягком сиденье.

Глава 3

Тишина Карельского перешейка по вечерам просто поражала. База УПМ, расположенная прямо в лесу, позволяла насладиться прелестями северной природы в полной мере. Даже не верилось, что огромный мегаполис, Северная Столица, находится всего в каких-то семидесяти-восемидесяти километрах. Казалось, нога человека вообще никогда не ступала ни по этому сосновому лесу, ни по берегу озера, вокруг которого располагалась база. Вечером, при тихой погоде, казалось, что ты просто попал в фотографию: все вокруг застыло в непередаваемой красоте и тишине, и только ты один двигаешься на этом фоне.

Территория базы когда-то уже принадлежала военным, но с наступлением лихих годов, когда хватало всё, что можно ухватить, а армия потихоньку сокращалась (читай – разваливалась), лакомый кусочек красоты у армейских быстренько отобрали и благоустроили для отдыха всяких очень хороших и нужных людей. Но под дудку войны и необходимости создания принципиально нового направления базу быстренько забрали обратно. Ну, на самом деле не так уж быстренько. При первом обращении генералам порекомендовали отдохнуть от этой мысли, уж больно красивое и уютное местечко. Но еще даже не испеченный тогда генерал-майор Йенсен оказался не только чрезвычайно сильным магом, но еще и крепким хозяйственником, к тому же – с немалыми задатками лидера. Он просто встал в позу и заявил, что наверняка найдутся одаренные люди, которые смогут помочь родной стране в этой фантазмагорической проблеме под названием «магия». Но не он.

А время и обстоятельства жали так, что сил терпеть не было вообще никаких. Войска, развертывавшиеся для наступления, неожиданно столкнулись с ожившей сказкой. С летающими нематериальными драконами, с живыми деревьями, со стенами огня, с клубами разумного тумана и вообще со всем тем, что раньше только в книжках и присутствовало. Если бы не война, так и замечательно, но когда все эти сказки оборачиваются реальными потерями, то тут уж становится не до шуток. Поэтому, когда дело дошло до Москвы, там даже читать не стали никакие обоснования. Жесточайший приказ «отдать и не морочить голову» прилетел практически мгновенно. И Йенсен стал обладателем райского уголка, одного из немногих на Земле, где люди начали изучать совершенно иное видение жизни.

– Еще что-нибудь осталось? – Точилинов плюхнулся на землю возле костра.

– Так, только настроение испортить, – Борис Уваров, энергетик, как его называли, протянул почти пустую бутылку. – Будешь?

– Пить – буду, настроение портить – нет. Чего такие потухшие? Опять не получается?

Борис, лежащий на спине возле вечернего костра, где собралась вся невеликая магическая рать, вздохнул и перевернулся на живот:

– А оно и не может получиться, как будто сам не знаешь.

Бориса, который разве что не зажигал спички взглядом, откопал где-то на Урале Йенсен. Пирокинетические задатки у него были налицо, и, естественно, определили его заниматься энергетическими воздействиями: отчеты, поступающие из войск, описывали и стены пламени, и ураганные ветры, и направленные молнии, косившие беззащитных солдат.

Вообще, все восемь человек, подобранные Йенсеном для участия в проекте, включая Семена, обладали экстрасенсорными способностями в той или иной мере. Но от того, что их собрали вместе, повесили погоны и дали отеческое напутствие, ни качество, ни количество этих способностей не увеличилось. После активного изучения статистики, накопленной за два месяца боевых действий, стало ясно, что в ближайшее время они вперед не продвинутся. А потом выяснилось и почему.

Неделю назад на Озеро, как начали называть базу ее обитатели, привезли первых пленных. Пятеро магов, халь, были доставлены на базу как ценнейший и неимоверно бьющийся груз. Разве что ватой не переложили. Все пятеро было совершенно обездвижены. Зафиксировали их, конечно, в удобных позах, но так, чтобы и пальцем не могли шевельнуть. В войсках уже насмотрелись, что могут вытворять маги, поэтому при захвате их вырубали мгновенно и поддерживали в бессознательном состоянии всю дорогу. Наверное, ребятам было очень больно.

А самое обидное, что всё зря.

– Роммо ихаэ эс, коссоль?

– Вроде ругается. Говорит: чего, мол, надо, животные? – пробубнил переводчик.

Откуда они накопили этого молодого пацана, который фактически за три месяца смог более-менее сносно выучить аталит, Семен себе даже близко не представлял. Хотя, чего там, есть Военный Университет, там таких пацанят пруд пруди. Сколько ему? Лет девятнадцать? Этим курсантам вообще фиолетово, что учить: китайский, пушту, язык индейцев майя или какой-то аталит. Родина сказала: «Надо!» – и вперед. Чего там, по молодости-то. А если еще и командировок пару-тройку сообразить – языковое погружение, так сказать, – так вообще хорошо. И романтика, и от военной жизни откосить. Достает, знаете ли. Понятно, еще и способности нужны, и недюжинные, но тут уж, судя по всему, без внимательного взгляда Гермеса не обошлось. Так что Денис теперь являлся непременным участником всех «бесед» с пленными, которых начали поставлять войска Экскора, как стали называть Экспедиционный Корпус.

– Ты ему объясни, что мячик-то не на его стороне сейчас, – вздохнул изрядно уставший к этому времени Семен, это была уже третья встреча за сегодня. – Будет выделяться – обидим, и сильно.

Денису можно такие вещи говорить. Он парнишка с головой, сам сообразит, как сформулировать. И действительно, поняв все, младший сержант тут же что-то защебетал на их птичьим языке. Правильно переводил, с душой, судя по всему, – аталь начал медленно багроветь. Ничего, пусть поймет, кто здесь главный. Тем временем Дениска, похоже, зацепил за живое. Не отрывая взгляда от Точилина, аталь начал что-то говорить. Мягкие звуки мелодичного языка превратились в злобное змеиное шипение. Жилы на пунцовой шее пленника превратились в канаты. Изо всех сил он начал тянуть на себя прикованные к ручкам стального кресла руки. Семен не отрывал взгляда. Воля на волю. Один на один.

И вдруг в кресле что-то хрустнуло...

Если честно, Семен даже испугался немного, о силе тщедушных с виду халь ходили легенды: один этот пленник при случае мог уделать их всех. Но тут сзади выдвинулась могучая фигура. Василий Теткин (Теркин, как его тут же прозвали остряки), сержант роты охраны, обеспечивающей непосредственную безопасность ученых, был фигурой выдающейся. Во всех смыслах.

Страшный удар по лицу сорвал прикрепленное к полу кресло. Халь тряпичной куклой покатился по полу. Вася медленно подошел, поднял хрупкую фигуру вместе с креслом, легко хлопнул по лицу, концентрируя внимание, поставил на пол и угрожающе медленно приблизил свое лицо к лицу аталь. Так, что едва не коснулся пленника лбом, глядя прямо в глаза, ломая волю. Резко выдохнул что-то зверское. И тут же – еще один страшный удар.

Третьего не потребовалось. Поднятый с пола халь уже не пытался отстаивать родовую честь или что там еще. Страх бился в его глазах. Семен его понимал, ему и самому стало не по себе.

– Вася, я говорил тебе, что ты не тем занимаешься? – не поворачивая головы, поинтересовался Точилин.

– А по-моему, именно тем, – прогудел сзади сержант. – Готов, красавец.

Красавец действительно был готов.

– И правда, – Семен начал конструктивную на сей раз беседу: – Ваше имя, звание, род занятий...

Ну вот не было на Земле магии. У всех была: у аталь – В Зеленом Лепестке, у глеммов – в Сером, у торков – в Желтом, а на Земле – не было. Четвертый Лепесток пространства, объединяющего четыре мира, названный с подачи аталь Огненным, что являлось в их классификации наиболее негативной оценкой, оказался обделенным.

Магические линии, линии хальер, не текли свободно, пронзая мир, давая возможность с их помощью менять саму его структуру, как во всех Лепестках, а по какому-то капризу мироздания создавали вокруг Земли контур, внутри которого была пустота. Может, это было обусловлено тем, что только с Земли открывался выход во Вселенную, остальные Лепестки представляли собой замкнутые миры, может, еще чем-нибудь, но факт оставался фактом – на Земле нельзя было заниматься магией. Вернее, можно, но с таким маленьким КПД, что лучше и не начинать. Маг, халь, мог принести на Землю с собой немного хальер в качестве своей жизненной силы либо в запечатанных магиприпасах или амулетах, но вся высвобожденная хальер тут же стремилась в контур линий вокруг Земли. Магам на Земле было не место.

Глава 4

– Судя по твоему лицу, про результаты можно и не спрашивать, – Гермес поднял голову от бумаг, глядя на входящего в кабинет Точилина. – Кофе будешь?

– Буду, хоть уже и тошнит от него, – Семен тяжело плюхнулся в кресло перед столом начальника и достал сигарету. – Почему не спрашивать, спрашивать можно, и результаты есть, на сей раз нам на-халь достался, высший маг, Ветвь Речного Берега, если тебе это что-то говорит.

Гермес помотал головой.

– Не суть, – продолжил Семен, – систему халь мы уже почти выстроили, через пару дней представим. В теории мы уже подкованы дальше некуда, но вот с практикой я даже не знаю что и делать. Узоров у нас уже море, но как их опробовать, не знаю.

– Узоров? – хмыкнул Гермес. – Художники.

– Ну не ложится мне на язык «заклинание». Сказками попахивает. А «узор» – это просто перевод с аталит. Кстати, очень подходит, судя по описаниям.

– Узор так узор, хоть горшком назовите, только результат дайте.

– Как? Чертова безмагия.

– А в поля не хочешь съездить?

– А что, можно? – удивился Точилин.

– Ты что, с луны свалился? – Гермес, казалось, удивился еще больше. – Почему нельзя? Или ты собрался здесь до старости сидеть?

– Да нет, я как-то и не задумывался.

На Семене, помимо занятий магией, еще лежало общение с родным министерством. Все остальные были, как Гермес, – люди сугубо невоенные, поэтому вся отчетность и жизненное взаимодействие с людьми в погонах, начиная от непосредственных начальников и заканчивая ротой охраны, были его задачей. В таких условиях некоторая узость мышления прощалась – штабная культура отнимала колоссальное количество времени и сил.

– Задумайся, – широко улыбнулся Йенсен, – я уже всё подготовил. Заодно Галина попрактикуется в построении порталов.

– Галина? Галина, да, попрактикуется, – протянул Точилин.

Гермес ухмыльнулся. Неприязнь, возникшая между Точилиновым и Галиной Ганц (внутреннее неофициальное прозвище – ГГ), специалистом по рунной магии, никакой тайной не являлась. Невысокую, крепкую, с густыми каштановыми волосами Галину красивой назвать было нельзя. Никак, хоть убейся. Так, обыкновенная полусмазливая мордашка. Крепко сбитая, как топориком вытесанная. Плотные ноги с толстыми лодыжками, короткие пальцы, значимый голос. В общем, достаточно серая бабенка в возрасте от тридцати до сорока, бывает такой возраст. Однако сама она полагала себя абсолютно неотразимой. Реально неотразимость заключалась в основном в жлобском панибратстве со всеми мужчинами, оказывавшимися в поле ее зрения. Женщин она просто не замечала – за исключением тех, кто стоял значительно выше по социальной лестнице либо находился при интересующих ее мужчинах. Хлопнуть по плечу проходящего мужика, громко спросить: «Как дела, Лёха?» – напутствовать: «Ну-ну, давай-давай», – это было в порядке вещей.

И еще она никогда не выходила на люди ненакрашенная и с неуложенными волосами. Что вы, как можно, что она, пэтэушница какая? В общем, все мужики в округе должны были ею восхищаться, и никак иначе. Для начала она положила глаз, естественно, на Йенсена, но тут он полностью оправдал свой псевдоним – о чем можно говорить с богом?.. Даже не думай, девочка. И она переключилась на номера второго.

Точилинов с детства терпеть не мог панибратства, а уж от наглых хабалок – тем более. В этом плане очень выручала военная форма. Погоны – они для того и придуманы, чтобы все всё понимали. Вот ты, вот я, и ни-ни. Но Галина была слишком уверена в своей привлекательности. В общем, пришлось послать почти прямым текстом. Обиженная, самоуверенная, хамоватая и не очень умная женщина – что еще надо для доброй склоки? Слово за слово, день за днем – вот и выросла неприязнь, грозившая перерасти в нечто большее. Гермес не раз предупреждал, чтобы они заканчивали эту свару, – им вместе, может, придется в бой идти, но куда там... Семену-то всё это было, как говорится, по фигу: подумаешь, сложная подчиненная, мало ли их было, а вот у Галины не так просто оказалось. Тем более что все остальные в команде, включая роту охраны, со стервозной бабой предпочитали не связываться и молча терпели ее выходки, еще более укрепляя Галину в понимании собственной значимости.

– Еще не наигрался? – вздохнул Гермес. – Что ты на нее так взъелся? Ну стерва и стерва, с такими еще и проще работать: пни в нужное место – сама побежит. У нее ж комплекс на комплексе, выбирай, какой пригодится для дела. Тем более что руны она неплохо знает.

– Неплохо – это по сравнению с нами: мы с тобой вообще ничего в них не понимаем. Да и никто другой.

– Полно, полно, ты уж слишком пристрастен.

– Может быть. – Семен потер лицо руками. Если бы он так не устал, не стал бы говорить дальше, но день и правда выдался очень трудным. Прорывало.

– Да понимаешь, есть люди, при первой встрече с которыми проскакивает искра. С одними искра хорошая – видишь и понимаешь, что человек замечательный, – и хочется общаться. А с другими... Не нравится мне ее искра.

– Ну уж, знаете ли, товарищ полковник, если с каждым сложным специалистом искру рассматривать...

– А убило меня, когда я увидел, как она с пленными обращается, – Точилинов не услышал замечания. – Очень это нехорошо, издеваться над связанными. Плохо это пахнет. Воняет просто. И хочется вымыть руки.

– А вы с Васей, значит, ангелы небесные, – сварливо проявил информированность Гермес.

– Мы тоже бьем. Даже пытаться будем, если надо. Но получать информацию – это одно, а унижать, когда всё уже ясно и известно, – совершенно другое. Лежачего или добивают, или прощают. Ты видел, с каким удовольствием она их лупит? Просто так, ничего уже не спрашивая.

– И что? – Гермес посуровел. – Ты у нас чистоплюем заделался? Рыцарем в белой броне захотелось выступить? Все вокруг в грязи замазались, а он такой вежливый и благородный. Ах, простите, ваше сиятельство! Удобно ли вам у нас в плену? Шампанское достаточно охлажденное?.. Как прикажешь с ними обращаться?

– Не знаю. Но не так. Они достойны хоть минимума уважения. Ты видел, как они держатся? Они, между прочим, за свой дом сражаются. Это мы к ним вторглись, если помнишь. Так что не такие уж мы и справедливые.

– Уважения? – Гермес неожиданно яростно зашипел. Точилинов впервые видел такое яркое проявление чувств со стороны начальника. В больное место, что ли, попал? Надо будет заметку себе сделать. – Уважения? К кому? Ты видел, что они с нашими делают. Кого уважать? Они нас вообще за разумных не считают. Держат за взбесившихся собак. Поедешь в войска – я тебе покажу, что там творится. Какими нам наши пленные достаются. Таких, как они, живыми варить мало. Ни разу не видел, когда зубы по одному раскаленной иглолкой расковыриваются, когда все внутренние органы на столе перед тобой, еще живым, раскладываются, когда одного заставляют над другим такое же проделывать? В говне сутками не лежал с насекомыми, которые тебя заживо жрут?

– Вот ты такую же пену и видишь, – подался вперед Семен. – Уроды – они везде уроды, что у них, что у нас. Нормальные-то люди сидят себе спокойно, делают свое дело, а таким – нейдет. Вот после них и остаются разорванные трупы. И ненависть. Нельзя так.

– Пусть, – Гермес успокоился так же мгновенно, как и взорвался, – и ты прав, и я. И каждый будет жить дальше. Нечего нам между собой еще рубиться. Пусть так. Но я думаю, что у тебя еще будет шанс поменять свое мнение. Ты действительно рыцарь. Хочешь окружить себя только приятными людьми. Чтобы всем хорошо было, и внутри, и снаружи, так? Чтобы всё по совести, и тогда с тобой тоже будут по-человечески поступать, так?

– Ну, так, – Точилинова неожиданный поворот несколько сбил с толку.

– Так не бывает, – устало вздохнул Гермес. – К сожалению. Та самая пена всё и портит. Но без нее никак. Зачастую именно она и двигает всё вперед. Своими амбициями, нахрапом, иногда глупостью. Они нужны. И с ними надо работать. Нравится тебе это или нет, но – надо.

– А я что, отказываюсь?

– Нет, но ты, например, Галину осаживаешь, а надо отпустить. Смириться и отпустить. Пусть развлекается. Кто знает, чего она накопает там, где ты останавливаешься.

– Ну уж нет, – остановиться было выше сил Точилинова. – Не буду я с такими дружить. Без меня, пожалуйста. Всю жизнь я таких гасил, и сейчас не вижу причин менять что-то. Нельзя с самого начала с такими людьми идти рука об руку. Неправильно это. На кривом фундаменте не построишь хорошего дома. Куда в итоге мы придем?

– Ладно, – поднялся Гермес, завершая разговор, – делай как знаешь. Единственно, прошу тебя за рамки приличий не выходить. Будь уж любезен в моей команде, – он выделил голосом «моей», – работать со всеми ровно.

– Есть, товарищ генерал-майор, – улыбнулся Семен, показывая, что наставление принято. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Гермес, – и не забудь, что ты через два дня обещал систематизацию по структуре халиона.

Глава 5

Зеленый Лепесток открылся в свое время ученым-фанатикам, уфологам в смысле, вовсе не как рой сверкающих искр, перенесший их в райские кущи, а как простая дырка в стене, возникшей на месте написанной на обыкновенной школьной доске тарабарщины, составленной из дикой мешанины формул и псевдомагических символов. Сейчас-то уже стало понятно, что формула построения портала почти идентична рунным узорам торков. Не совпадает, но очень похожа. А тогда это было откровение.

Но все имеет свои границы, даже магия. Дело в том, что рунная магия чрезвычайно неудобна в быту. Написанное заклинание является одноразовым, и перемещать в пространстве его нельзя. Действие заклинания прекращается. Таким образом, применение рунной магии сводится к использованию ее на стационарных объектах. Охранные системы, системы информационных каналов, климатические установки и так далее. Строительство порталов тоже, кстати, входит в этот список, но руны надо писать на чем-то более устойчивом, нежели школьная доска. Потому что, когда доску задели, портал закрылся. Предусмотрительно оставив формулу на доске в неприкосновенности в качестве образца, ее тут же воспроизвели вновь. На стене. Так как один из гениев связал исчезновение портала с изменением положения доски. Но рунная магия требует безупречной каллиграфии и четкого написания, а уж другим-то почерком...

Следующий портал открылся в глухом лесу. Хорошо, что не посередине океана. Вдоволь побродив между чужими деревьями и налюбовавшись незнакомыми цветами, первооткрыватели вернулись домой. Как и большинство людей, погруженных в науку целиком, все они были немного не от мира сего. Просчитать последствия широкой информированности масс о данном открытии они были не в состоянии. Главное – облагодетельствовать человечество, которое так долго страдало в одиночестве. И информацию закинули в Интернет. Последствия оказались катастрофическими. В течение нескольких дней в Зеленый Лепесток открылись миллионы порталов. Еще бы, безо всяких умений и совершенно бесплатно, всего лишь написав на листке бумаги формулу, ты можешь отправиться в другой, неведомый мир. Столько раз, сколько захочешь. Спецслужбы отреагировали мгновенно, формулу выковыряли отовсюду. Но дело было сделано. Миллионы жителей Земли хлынули в только что открытый мир. Тем более что цивилизация аборигенов, обнаруженная там, находилась на стадии развития мечей и луков со стрелами.

Аталь были в шоке. Им, старейшей расе Клевера, утонченным и изысканным существам, пришлось пережить колоссальное потрясение. Представьте себе, вы сидите у себя дома и занимаетесь какими-то своими делами, имея определенные планы на проведение времени. Вдруг изо всех щелей начинают выползать в невероятных количествах полуразумные муравьи. Помимо чувства естественной брезгливости, которую они вызывают, вы вынуждены смотреть, как они развлекаются, едят, пьют на пикниках, дружески похлопывают тебя по плечу, пытаются взять образцы твоей крови и тканей, навязчиво учат говорить вас на муравьином языке и потрясают какими-то побрякушками, стараясь всучить их вам в обмен на ваши вещи. Про банальное воровство уже и не упоминается. Табор цыган в коммунальной квартире – самое точное сравнение.

Аталь проводили карательные акции и за меньшее, а убивать они умели очень хорошо.

События покатались лавиной с горы. На Земле пошла волна возмущения, когда тысячи людей стали возвращаться покалеченными или не возвращаться вообще. Земные правительства не справлялись с ситуацией. Люди неожиданно столкнулись с перспективой межпланетной войны, и она их напугала. Во вновь открытый мир был отправлен Экспедиционный Корпус. Естественно, для защиты жителей Земли. Аталь немедленно ответили.

Операцию назвали «Конкистадор».

– Не подходит.

– Да я ничего, просто рядом проходил, – кругленький Андрей с говорящей фамилией Колобкин, мастер коммуникационных узоров, дурашливо шарахнулся в сторону.

– Вот и проходи себе, – о лицо Галины можно было спички зажигать.

Колобок скорчил невозмутимую рожу и демонстративно отошел.

Назначенное время выхода в полевую командировку всем составом прошло где-то час назад. Полностью готовая к выходу команда сидела и ждала, пока Галина выпишет на бетонной плите формулу выхода в Зеленый Лепесток. Проблема заключалась в том, что конечная точка была известна, а вот исходную приходилось выписывать с нуля. Задача была поставлена месяц назад, вроде должны были все подготовить. Но вот не выписывалась она, и всё тут. Точилинов стоял с каменным лицом, остальные потихоньку хихикали. Галина кипела. Но гнев – плохой советчик, и формула упорно не получалась.

Конец страданиям положил Гермес. Появившись в точке сбора, он понаблюдал минут десять за страданиями Кобры, как упорно просила называть себя Галина, подозвал Точилинова и отдал приказ.

– Группа, внимание! – Командный голос Семена заставил всех оторваться от чуть не плачущей Галины. – Р-разойдись. Сбор через два часа, готовность номер один. Спать не раздеваясь, пищу принимать только в столовой. Свободны.

Народ испарился. Гермес кивнул Семену, и он ушел тоже.

Через два часа группа собралась у готового портала, мягко мерцающего в вечерних сумерках.

– Все? – Гермес оглядел собравшихся.

– Так точно, – доложил Точилинов.

– Вперед.

Семен первым скрылся в портале, остальные – за ним. Гермес замыкал процессию.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – бодро приветствовал Точилинова радостно улыбающийся капитан, встречавший их на выходе. Семен проморгался, – здесь вовсю светило зеленоватое солнце, – и пожал протянутую руку:

– Приветствую.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! – Капитан уже приветствовал выходящего из портала Йенсена. – Первая разведрота отдельного...

– Вольно, капитан. Давайте без лишнего официоза, – Гермес был верен себе. – Всё готово?

– Так точно.

– Тогда грузимся.

По дороге к лагерю Точилинов активно вертел головой, пытаясь узреть местный колорит. Как же... другой мир. И ничего особенного так и не увидел. Деревья, кусты, пыльная дорога. Всё это, конечно, отличалось от привычного, земного, но чего-то особенного, режущего глаз, он так и не нашел. Лагерь тоже не блистал оригинальностью – обыкновенное место дислокации. Палатки, мотоциклы, легкие домики из сборных конструкций.

Что удивило, так это реакция окружающих. Все, кого они встречали на пути, изображали бурную радость от встречи. В лагере повторилась та же картина. Сбежаться не сбежались, все-таки армия, но возбуждение волнами начало прокатываться по палаткам. Радостные возгласы: «Маги, наши маги приехали!» – звучали всё громче и громче. Семену аж неудобно стало. Чего

это они? Ситуацию прояснил встречающий их на пороге штаба командир полка, невысокий плотный полковник с роскошными усами и сильными залысинами на крупной голове.

– Здравствуйте, здравствуйте, – радушно приветствовал он выходящих магов. – Наконец-то дождались. Теперь уж и мы в долгу не останемся. Покажем гадам, что к чему.

Радухиие объяснилось очень просто. Легко ли постоянно получать оплеухи, на которые не можешь ответить? Это как с авиацией: ты сидишь в окопе, а тебя сверху утюжат вражеские бомбардировщики. Головы не поднять. Ждешь, ждешь – и тут появляются наши штурмовики. Ура-а-а! Так и здесь. Все поголовно смотрели на магов открыв рот и бросались исполнять любую просьбу еще до того, как те заканчивали говорить. Точилинов периодически с неприязнью косился на Галину: вот уж кому счастье привалило. Сам он испытывал только неловкость. Ну какие они маги, одно название. А как до дела дойдет?..

Тем временем группа расположилась в кабинете полковника, ожидая информации. Еще на Земле все инструкции были получены и проработаны. Каждый из магов отправлялся в свое подразделение, где ему оказывалась любая помощь, которую он мог пожелать. Плюс к этому разведчики прибавили активности – и магов уже ожидали два захваченных на-халь и четыре младших до-халь в качестве комплимента и десерта.

– Командиры подразделений ждут. Все оповещены, прикрытие обеспечивается, – докладывал полковник, – приступать можете хоть сегодня.

– Очень магической поддержки хочется? – хитро улыбнулся Гермес.

– Очень, – неожиданно серьезно ответил полковник. – Вы не представляете, что творится. За каждый сантиметр деремся. Противопоставить, конечно, есть чего, но силы равны. А с вами-то уж...

– Вы себе сладких сказок не рисуйте, – Гермес тоже посерьезнел. – Никто, к сожалению, ковров-самолетов не производит, и мечей-кладенцов у нас тоже нет. Я смотрю, тут с нашим появлением все решили, что война выиграна. Это не так. Один я могу с трудом выдать пару детских заклинаний – и всё. Остальные только-только азы начинают изучать. Да и мало нас. Так что вы без магической поддержки еще долго будете воевать.

Полковник грустнел на глазах, но расстроиться как следует не успел.

Карандашница на его столе неожиданно запылала ярким чадящим пламенем. Пф-ф-фух – занялся аппарат внутренней связи.

– Стоп! – заорал Гермес. – Отставить. Линии отпустить. Никому не двигаться. К линиям не прикасаться. Способности не применять. Всем замереть. Огнетушитель где? – повернулся он к остолбеневшему полковнику.

Поняв, что от того помощи ждать не приходится, он сорвал с вешалки висящую шинель и накинул ее на полыхающий стол. Кое-как пламя потушили, кабинет наполнился вонью сгоревшего пластика, но никто и не подумал пожаловаться на неудобство.

Полковник воочию увидел магию, и теперь ему было море по колено – он уверил себя, что Гермес всего лишь не хочет разглашать секретную информацию.

Остальные, во главе с Борисом, устроившим эту катавасию, пребывали в счастливом шоке: магия существует, и они могут ею управлять.

Единственным, кто расстроился, был сам Гермес.

– Так, товарищ полковник, нам сейчас надо где-то полчаса для оперативного совещания, а потом мы ждем ваших бойцов.

Полковник мелко закивал, с его лица не сходило восхищение, он сейчас был готов Луну с неба для них достать. Гермес внимательно посмотрел на него, вздохнул и, направляясь к выходу, демонстративно аккуратно повесил обгорелую шинель обратно на вешалку:

– Вы ее сохраните. Потом детям будете показывать. Первый официально известный случай использования магии в войсках. Раритет, так сказать, – он задержался в дверях: – А вот интересно, как вы будете причину списания указывать?

Глава 6

– А что, знатная зверушка, – усатый старшина широко улыбнулся Точилинову.

Тот только щекой дернул в ответ. Это солдатам было интересно смотреть, как маг из воздуха создает разных забавных уродцев, а сам Семен ничего интересного тут не находил – колченогий уродец, смесь карликового бегемота с кузнечиком, передвигался с большим трудом, заваливаясь при каждом движении.

Буквально в первые же дни пребывания в Зеленом Лепестке каждый из восьми магов определился, в каком направлении он является специалистом. Почти все подтвердили первоначально заданные Гермесом параметры. Колобок щупал свои информационные каналы, коих оказалось превеликое множество. Борис попеременно то вымачивал окружающих под дождем, то поджаривал в огненных шарах, то валял по земле порывами ураганного ветра. Галина выучила-таки формулу перехода и теперь шла дальше – торков к ней свозили пачками отовсюду. Остальные тоже двигались потихоньку. И только Семен два дня ходил сам не свой. Он чувствовал линии хальер, он почти видел их, он знал, что может их использовать. Но как это сделать, понимания не было. Жуткое ощущение, на самом деле. Гонка за кошкой в полной темноте. И ведь точно знаешь, что она там есть.

Откровение снизошло на третий день.

– Воздух! – В окоп, где сидели Семен с приданными бойцами, наблюдая за передним краем аталь, готовивших очередную атаку, третью за этот день, свалился солдат.

– Сейчас пойдут, – комвзвода подхватил автомат и подался к брустверу.

И в самом деле: у аталь зашевелились, подлесок у переднего края начал заполняться неясными фигурами. Атака начиналась.

– Под щиты! – скомандовал комвзвода.

Свистнули первые стрелы. Дальность стрельбы у лучников была поразительная. Огнестрельному оружию они, конечно, уступали, но лишь ненамного. Подавляющего преимущества не было. А если учесть, что били они навесом, то в окопах становилось не очень уютно. По щиту, под которым укрылся Семен, прошел короткий град. Тра-та-та.

– Вот собаки, – выругался кто-то.

– А вот и наша птичка, – донеслось справа.

Далекий вой начал влезать в уши, заполняя все вокруг.

– Что это? – поинтересовался Семен у бойцов.

– Змей летучий, – один из солдат коротко высунулся из-под щита, глянул в небо и спрятался обратно. – Желтый. Хреново, братцы.

Бойцы вокруг угрюмо зашевелились, проверяя оружие.

– Они у них, у паразитов, вместо боевых вертолетов, – пояснил пожилой усатый старшина, передергивая затвор автомата. – Сколько они, гады, крови нам испортили – не рассказывать. И этот, зараза еще... если бы Зеленый был, то куда ни шло. А этот-то Желтый, а не приведи Бог Красный – тогда вообще конец, их и взять-то никак, почитай. Товарищ полковник, вы чего?

Семен замер. Пронзительный вой становился ближе и ближе, заполнял всю голову, не давал думать. Кто-то схватился за уши в безнадежной попытке спрятаться. Бесполезно. От него не укрыться. А Семен сидел недвижимый. Он видел каждую мелочь. Выщербленные щиты, под которыми скорчились беззащитные тварюшки, ниточки выкопанных канав, какие-то железяки, разбросанные там и тут. И кровь, теплую кровь чужаков, прячущуюся внизу. Кровь, которую Хозяин приказал забрать, выжечь, разбрызгать вокруг, не давая ей больше быть теплой, живой.

Семен сидел в голове Зверя.

«Стой! – закричал он себе. – Стой! Нельзя, назад!» Земля перестала приближаться.

«Вперед! – Другой, властный голос швырнул землю навстречу. – Убить! Сжечь!» И опять теплая кровь запульсировала внизу, маня, призывая.

«Нет!» – Семен сопротивлялся изо всех сил.

«Вниз!» – Во властном голосе почувствовалось удивление.

Земля еще приблизилась. Точилинов попытался собрать все силы, чтобы остановить Змея, развернуть его обратно, найти Хозяина, но вдруг понял, что не может. Вся его воля, все силы, которые он направлял и вливал в свои приказы, вдруг оказались маленькой мошкой, бьющейся о бетонную стену. Зверь замер на месте, готовясь рухнуть вниз. Никаким сомнениям места уже не осталось. Всю его сущность заполнило сладкое предвкушение грядущих смертей.

И тут снизу, от одной из тварюшек, вылезших из своих жалких убежищ, к нему потянулась дымная полоса. Железка, мелкая муха, летящая снизу. Не о чем думать. Зверь-Семен задрал крыло, чтобы упасть, набирая скорость, и тут черная мушка превратилась в огненный шар, горячий и родной. Шар поплыл к нему, и Семен-Зверь обрадовался знакомцу. А потом пришла чернота. Последнее, что Семен услышал, были ярость и разочарование Хозяина: «Не получилось».

– Товарищ полковник, товарищ полковник! – Семен попытался сфокусировать зрение, но получалось плохо. Голова моталась из стороны в сторону. Оказалось, его кто-то сильно тряс.

– Отставить, – клацнул зубами Семен, – отставить трясти полковника.

– Фух, – выдохнул старшина, это он приводил его в чувство. – Мы уж перепугались, что вы того... – Он смущенно замолчал.

– Не того... – отстраненно пробормотал Точилинов, опускаясь до шепота. – Я просто Змея вашего почувствовал. Я у него в голове сидел. Он вниз хотел, сюда, к нам, а я не давал. А потом...

– Мужики-и-и! – хрипло, надсаживаясь, заорал старшина. – Мужики! Это наш маг его тормознул, Желтого! Это он! Ура-а-а!!!

– Ура-а-а!!! – донеслось со всех сторон. – Ура! Так их! Мочи козлов!

– К бою! – Команда пришла как нельзя вовремя. Все бросились к брустверам.

Комвзвода жестом остановил старшину, приказав присматривать за плохо соображающим Семеном.

– Огонь! – разнеслось над окопами.

Слаженный залп вымел наступающих аталь, остановив атаку в самом начале. Не получилось у них – в чем в чем, а в скорострельности оружие людей явно превосходило боевую технику противника. А когда аталь, пятная трупами поле перед окопами людей, убрались обратно в свой лесок, к окопу Точилинова начали сбегаться солдаты.

– Это он, он Змея остановил! – Старшина, захлебываясь от восторга, все повторял и повторял свою скороговорку, а от него волнами она расходилась дальше. «Маг Змея сбил. Сам. Р-раз, и все». – «Да нет, не сбил, просто поставил прямо под ракету». – «Да какая разница. Главное, живем, мужики. Теперь мы им покажем». – «Качать его». – «Ура!!!»

Вот от последнего заявления Семена замутило. Он как представил, что его сейчас подбрасывать будут, аж зажмурился.

– Товарищ полковник, – комроты очень вовремя продрался сквозь восхищенную толпу, – все в порядке?

– Нет, – Точилинов помотал головой, – мне бы полежать где.

– Понял, – капитан поднял голову. – Р-разойдись! Чего уставились? Филармония у нас по воскресеньям. По местам, мать вашу. Я кому сказал? Командиры подразделений, обеспечить выполнение! Группа обеспечения – ко мне!

Семена уложили на носилки и с превеликим тщанием, прикрывая от всех возможных опасностей, – как же, маг, который Змея сбил, – понесли подальше от переднего края, отлеживаться.

Семен лежал на носилках, смотрел в колышущееся зеленоватое небо, а внутри ворочался комок противоречивых мыслей. Он нашел свой дар, свое призвание. Понял, что он может и должен делать. Звери, магические создания, всё, что можно создать с помощью магии. Это для него, это он сможет. Но в то же время он понял, насколько велика пропасть между ним и теми магами, которые стояли против него. Он ничего не смог сделать против загадочного Хозяина Желтого Змея. Ни-че-го. Зубочистка против танка. И вот тут начинались вопросы. Сотни вопросов. Как, что, почему, откуда? И главное: а сможет ли он противостоять? Линии хальер на глазах оживали, складываясь, наконец, в понятные узоры, манили к себе. Мир, как оказалось, полон мириадами магических связей. От такого обилия информации голова просто переставала думать. Иногда он просто проваливался в какое-то забытье. Ему требовалось время. Он даже не заметил, как оказался в своей палатке. К счастью, командир группы был достаточно сообразителен, чтобы не приставать к нему ни с какими вопросами. Он только поинтересовался, не надо ли доктора, и, получив отрицательный ответ, выставил охрану и оставил Семена в покое. Мозг у Точилюнова работал явно с перегрузкой. Теория, полученная на Земле и подтвержденная здесь, начинала проситься наружу, но с жизнью пока не увязывалась.

Легкий звон на грани слышимости все-таки вырвал Семена из протрации и заставил оглядеться. Никого. Он улегся обратно, но звон не уходил. Семен взялся руками за голову и легонько потряс ее, засомневавшись – а вдруг это у него от перенапряга. Нет, звон продолжал отвлекать от мыслей о вечном. Да что ж такое? Он сосредоточился на обретенных линиях хальер, может, там? И вдруг прямо у себя перед носом обнаружил мелкую мошку. Маленький шарик, у которого, кроме крыльев, ничего и не было, висел под потолком. Точилюнов моргнул, шарик исчез. Он опять начал разглядывать линии – шарик обрел очертания.

Оп-паньки, Семен сел на кровати, а кто это у нас тут? Он протянул руку: а давай-ка мы с тобой познакомимся. И, как только он коснулся шарика, маленькая злая молния взорвалась у него между пальцами. Боль была такая, что Семен онемел. Разноцветные круги разлетелись по всей палатке, заполнив глаза и голову Семена. Руку он перестал чувствовать практически мгновенно, но боль не ушла, она начала разливаться по всему телу, парализуя органы один за другим. Уже на грани гаснущего сознания, каким-то непонятным чувством он вспомнил. Формула блока. Первое, чему научил их всех Гермес, был узор, отрезающий мага от собственного магического воздействия. Тогда всем было смешно, зачем Гермес гонял их до седьмого пота, заставляя задалбливать формулу прямо в подкорку. Все психологические разработки, помогающие помнить формулу в любых, самых критических ситуациях, были пущены в дело. Теперь Семен понял, зачем.

Боль ушла. Она оставила за собой достаточный шлейф, чтобы Семен мог только лежать на полу, судорожно глотая воздух пересохшим ртом, однако – ушла. Рука по-прежнему ничего не чувствовала, но маленькие иголки, рассказывающие о том, что жизнь продолжается, взяли за работу, заставляя Семена морщиться. И это было уже почти удовольствием. Точилюнов поднял глаза, рассматривая место, где висел шарик. И вдруг заметил. Линия. Даже не линия, а тонкая ниточка, вплетающаяся в естественный рисунок линий природных. Исчезающая, утягивающаяся в никуда. Но – она была. Точилюнов, ковыляя на неверных ногах, морщась от боли, подтянул к себе стул и постарался рассмотреть ее. Вот она: маленькая, тоненькая, по-прежнему живая, она старалась затеряться среди остальных, постепенно истончаясь и пропадая. Он протянул руку, стараясь остановить ее, но тут же отдернул. Нет, только не это. Только что ушедшая боль опять встала перед глазами.

«Нет уж, – решил Семен, – один я в этот блуд больше не полезу». С трудом сползши со стула, он уселся и попробовал придумать, что делать. Ответ оказался на удивление простым.

Караульный перепугался до полусмерти, увидев, как полог палатки медленно отодвинулся. Бледный хрипящий маг посмотрел на него безумными глазами, прохрипел: «Солдат, Гермеса мне сюда...» – и рухнул, перестав подавать признаки жизни.

Йенсен примчался через несколько часов. К этому времени Семен уже вполне очухался, выпил чаю и успел поперемигиваться с симпатичной медсестрой.

– Живой?! – генерал-майор влетел в палату, даже не удостоив взглядом вытянувшийся по струнке персонал. – Твою в душу ни маму налево двадцать. Нельзя же так пугать. Фу ты черт...

Он упал на стоящий рядом с кроватью стул.

– Рассказывай, что приключилось.

Следующие две недели были посвящены стандартной земной работе. То есть потрошению пленных. С контрразведчиками, когда они осознали, что всё вокруг них пропитано такими вот мизерными тварюшками, качающими информацию противнику, случились форменные конвульсии. Все оперативные и стратегические разработки были остановлены. Любые наступательные действия – прекращены. Войска перешли к стратегической обороне.

А маги забросили все свои дела, вернулись на базу и занялись исключительно выработкой противоядия. Причем далеко не в одиночку. Проблема касалась всех, и только теперь Семен впервые понял, что войну ведет отнюдь не одна Россия. Сигнали народ со всего света. Он, кажется, видел даже шамана из Сьерра-Леоне. Про ямайских вудуистов и упоминать нечего. Пленных разве что на куски не резали.

И вдруг оказалось, что если задаешь правильные вопросы, то получаешь правильные ответы. Заклинание оказалось дешевкой, которую под силу соорудить любому начинающему магу. Защититься от него – тоже. А для защиты не-магов достаточно создать несложный амулет. Единственное, в чем Семену «повезло», так это в том, что его мизерный визитер оказался произведением на-халя, – обычно поражающий эффект в узор не закладывают. Но тут уж нет худа без добра: теперь все знали, что они и это могут. А то вдруг да забыли бы спросить...

Производство амулетов наладили в кратчайшие сроки, войска прикрыли. А Семен приобрел мировую известность в узких кругах, получил кучу орденов от разных правительств и обещание, что если он еще хоть чихнет в пользу Родины, то генерал-майорские погоны ему обеспечены. Ну вот не было в штатном расписании УПМ предусмотрено такое звание для зама. «Зажали, подонки», – высказался по этому поводу сам Гермес.

Точилинов же не расстроился совершенно. Вся эта мышинная возня с погонами теперь представлялась ему теперь такой смешной – его звал мир магии.

Глава 7

Все люди разные. Пока человека не узнаешь, никогда нельзя сказать, что он из себя представляет. Иногда замухрышистый задохлик являет такие примеры мужества, что хочется встать и поклониться. Даже если это твой заклятый враг. Даже если он ненавидит тебя до дрожи в руках и готов рвать тебя зубами, пока хватит сил.

А лощеные красавцы, правящие миром, превосходящие всех и вся уже одним только видом, готовые отдать жизнь ради святого дела, после двух-трех часов, так сказать, приватной беседы принимаются валяться в ногах и лизать сапоги, умоляя о пощаде.

Впрочем, бывает и наоборот.

Парнишка, сидящий перед Точилиновым, как раз и был «наоборот».

Невеликого умения – всего лишь до-халь, одна серьга в ухе, тем не менее, держался он как Зеленый Принц, не меньше. То ли поколения предков давили (как же, прямой наследник Ветви Луговой Травы), то ли сам такой уродился, но ломаться он отказывался категорически, на сотрудничество не шел и вообще делал вид, что его происходящее не касается. И было в нем что-то такое мальчишески отчаянное, перемешанное с патриотическими бреднями, что Семен не мог отдать его в «глубокую проработку». Хотя Гермес уже в третий раз прямо выражал недовольство. Точилинов отчаянно сопротивлялся, каждый раз выдумывая новые отговорки, хотя делать это становилось всё сложнее. Но парня от себя не отпуская.

– Ты знаешь, что существует негласная договоренность о выдаче, скажем так, социально значимых персон в обмен на равноценные личности?

– Вождей на вождей? – пренебрежительно фыркнул Каллимо. – Это вы придумали?

– Может, и мы, – Семена не так легко было сбить с толку, – только конкретно для тебя это шанс остаться в живых и вернуться домой.

Психологи рекомендовали именно это: давить на конкретную личность, на исполнение желаний здесь и сейчас. Но парнишка, как и предполагал Семен, плохо брался на «слабо».

– А зачем мне тогда что-то вам рассказывать? Если я все равно домой попаду?

Денис, непременный участник всех допросов, давно уже понял, что Точилинов к этому пацану относится поособенному, поэтому переводил всё слово в слово, сохраняя интонации.

– Так ведь в том-то всё и дело. До обмена ты запросто можешь и не дотянуть. По официальной версии. Заболел, что делать? И всё, не будет больше Каллимо. Другой будет правитель у вашей Ветви.

Проблема на самом деле стояла остро. Из-за разницы в биохимии лекарства людей далеко не всегда подходили аталь. Часто случалось, что пустяковая болячка сводила в могилу практически здорового пленного.

– А ты подумал, человек, как я смогу править Ветвью, будучи предателем? – Аталь расправил узкие плечи, из его глаз глянул вождь. Тот самый, за которым идут на верную смерть. – Правитель должен знать, что он прав всегда. Только тогда он сможет вести своих воинов. – Его голос упал до шепота, но горящие ненавистью глаза говорили сами за себя. – Только тогда мы сможем раздавить вас.

– Да не раздавите вы никого. Неужели ты не понял, что вы проигрываете войну? Вы и при нынешнем соотношении сил уже не справляетесь. А как только мы расширим транспортные порталы (а мы их расширим, не сомневайся) – вы обречены. Как вы будете жить дальше? Ведь если не будет тех, с кем мы сможем вести переговоры после победы, нам ничего не останется, кроме как уничтожить вас.

Мальчишка расхохотался. Глупо, демонстративно, скрывая боль и страх, пытаясь выплеснуть всё свое презрение.

– Ты, червяк, жалкий человечиска, решивший править мирами. Неужели ты думаешь, что вы – это самое страшное, что может случиться с нашей расой? За все время существования аталь мы сталкивались с такими врагами, перед которыми вы – не более чем сухая ветка в буреломе. И мы выстояли. И мы здесь.

– С какими врагами? – абсолютно нейтрально поинтересовался Семен.

– С разными, человек, с разными, – высокомерно поднял губу аталь. – Все ваши успехи – не более чем маленький шаг вперед. Очень скоро вы остановитесь. Вернее, вас остановят. А потом придем мы, – он подался вперед, заставив охрану нервно дернуться.

Это был уже седьмой допрос, и на этот раз Семен пришел сюда с совершенно конкретной целью. Пугать подопечного в его планы не входило. Он сделал знак охране. Спокойнее, спокойнее.

– Каллимо, – Семен старался говорить как можно более ровно, не хватало еще сорваться, – заметь, вопреки вашей пропаганде мы вовсе не такие звери, как нас рисуют. Тебя что, здесь били? Хоть раз? Ты видел хоть один труп аталь? Сам, своими глазами? Ты видел сам хоть одного замученного? Ответь, пожалуйста.

Аталь с натугой помотал головой.

– Вот именно, – удовлетворенно откинулся на спинку стула Точилюнов, – вот именно. Мы не звери, мы не отвечаем ударом на удар. Мы не издеваемся над пленными, как это делаете вы. Мы не считаем вас бешеными собаками, достойными лишь позорной смерти. Мы не унижаем вас.

Это была ложь. Ложь от первого до последнего слова. Наглая и беспардонная. Рассчитанная лишь на то, что у мальчишки нет всей информации. А у него ее действительно не было. Это войска людей развивали наступление, захватывали объекты – и получали вещественные доказательства пыток пленных. У аталь такой возможности не было.

– Всё, что я прошу, – Семен была сама проникновенность и участие, – это выслушать меня. Согласись, лично я ничем не заслужил твое презрение.

Каллимо медленно склонил голову. Семен мысленно вытер пот и вдруг поймал себя на крамольной мысли, что радуется. На самом деле радуется, что этот парнишка не видит в нем мерзавца.

– Так вот, – внешне все его мысли не проявились никак. – У меня есть одна просьба. Заметь, не предложение, не сделка – именно просьба, – он замолчал, вглядываясь в лицо аталь. – Две недели назад к вам попали трое наших. Сказать, что они стратегически важны для нас – соврать. Действительно ничего особенного. Но нам надо их получить обратно.

– Ты непоседлив, человек, – аталь победно ухмыльнулся, – только что ты намекал мне, что шансов выбраться у меня мало.

– С тобой на пару хорошо дерьмо кушать, – снисходительно улыбнулся Семен. И пояснил, глядя на угрюмо сдвинувшего брови пацана: – Вечно вперед забегаешь.

Дождался, пока на холемом лице проступит недоумение, и продолжил:

– Обменять мы их можем, но не хотим. Не те фигуры. А ваши никогда не поверят, что эти трое – не лидеры мирового масштаба, и запросят непомерную цену. А мы не согласимся. Пат. Но вытащить их надо. Можешь считать это личным делом.

– Ветви не будут с вами иметь никаких дел, – Каллимо спрятался за маской высокомерия, – все эти обмены – сказка.

– Малыш, – покровительственно сказал Семен существу, которое было старше его раза в два (аталь живут ого-го сколько). – Твоя искренняя вера в справедливость иногда просто умиляет. Уже имеют и имели. И не раз, и не два. Жить-то всем хочется. А правителям еще и больше – им терять есть что. Так что меняемся мы за милую душу.

– Теперь вам есть с кем разговаривать, когда вы победите? – осканился парень. – И сколько же предателей вы уже подготовили для грядущей «светлой жизни»?

– Достаточно, – посуровел Семен. – Когда приедешь, можешь поинтересоваться. Там известных личностей-то много, шелупонь всякую не меняют. Такие имена как насини Уратон или зол-италь Динор тебе что-нибудь говорят?

– Нет! Это неправда!

– Правда, сынок, правда. Когда вернешься, можешь с ними пообщаться, они тебе свои соображения по этому поводу расскажут.

– Вернешься?

«Ну, наконец-то, – вздохнул Семен, – сколько можно уже было тебя цеплять?»

– Именно. Я прошу помощи. И в качестве ответного жеста готов помочь тебе вернуться к своим.

– А твое начальство в курсе? – поинтересовался Каллимо.

– Мое – в курсе. А вот выше – не уверен, – обезоруживающе улыбнулся Точилинов и развел руками.

– И что ты скажешь им, когда «поможешь» мне уйти? – Подозрительности в голосе парня хватило бы на троих.

– Пусть это будут мои проблемы, ладно?

– А почему я должен тебе верить?

– А нипочему, – Семен пожал плечами, – мое слово против твоего. Просто, да?

– Не очень похоже на честную сделку.

– А в противном случае, – вот тут можно и агрессии добавить, – ты останешься здесь навсегда. Твой папа что-то не торопится присылать запрос. Подумай.

Каллимо закрылся, ушел в себя. Обиделся. Ничего, тебе сейчас полезно. Задумайся о будущем. Не хочется молодость-то губить.

– Подумай, – вслух произнес Семен, – я тебя не тороплю.

Молчание в ответ. Точилинов подождал немного и сделал жест охране:

– Уведите.

На входе из крыла, где содержались пленные аталь, Семен нос к носу столкнулся с Гермесом.

– Ну что? – недоверчиво поинтересовался он.

– Ждем, – доложил Точилинов. – Пошел думать.

– И долго он собирается думать?

Понять Гермеса было можно. Проблема стояла остро, и в этой проблеме крайним оказывался именно он, Гермес.

Если смотреть со стороны, ничего особенного не происходило. Ну попали три француза в плен. Ну маги. Так аталь за них запросили ни много ни мало Второго Главу Совета Ветвей, которого каким-то чудом удалось добыть эскорвским разведчикам. Считаю, седьмого по значимости человека в Зеленом Лепестке. Ну, то есть, конечно, не человека, а аталь. На такой размен наверху пойти были никак не готовы. И как ни убеждал Гермес, как ни упрашивал и ни доказывал, ответ был один: «Нет!» Маги, конечно, редкие звери, но такую птицу за них отдавать – извините.

Однако и своих бросать – последнее дело. Так что Гермес начал принимать во всем этом более чем деятельное участие. Дело было в том, что Жан-Пьер Февалле, один из пропавших, работал над теорией самого Гермеса, в которую, правда, никто не верил. Согласно этой теории, совмещение двоичного компьютерного кода и рунной магии способно генерировать принципиально новые магические узоры. Фактически, Йенсен предлагал открыть новое направление в магии, и без того почти не изученной. Наверху эта идея одобрения не получила, но группе французов, возглавляемой Мари Сорен, как-то удалось получить разрешение на факультативное развитие. Февалле как раз работал в этой группе и, по слухам, начал получать кое-какие

результаты. В свете всего этого Гермес, курировавший группу Сорен, был более чем заинтересован в возвращении магов домой.

А два дня назад Колобок под страшным секретом поведал и еще одну причину, по которой Йенсен, в обход всех указаний, организовывал спасение французов. Как шепотом, поминутно оглядываясь, рассказал Колобок, пропавшую троицу возглавляла сама Мари Сорен, общение Гермеса с которой давно перешагнуло рамки обыкновенного кураторства проекта. Семен даже не стал спрашивать, откуда тот знает такие подробности. Мастер коммуникационных узоров – он и в Африке Мастер. Кто как не он должен уметь собирать информацию.

И вот теперь, глядя на кипящего Гермеса, Точиринов испытывал что-то вроде неловкости.

– День-два, не больше. Психологи говорят, что созреет.

– Много они понимают, твои психологи, – все-таки Гермесу не удалось справиться с эмоциями, – а если он нас кинет?

– Не должен. Парень-то хороший, правильный. С понятиями о чести у него все в порядке.

– О какой чести ты говоришь? Они нелюди. И мы для них нелюди. Не существует у них понятия чести, применимые к нам.

– Ты опять? – не выдержал Семен. – Зачем тогда я всё это затевал? Мы уже двадцать раз все обсуждали. Ты как будто меня и не слышал. Я веду эту операцию – с меня и весь спрос.

– А если всё сорвется? – вкрадчиво, в своей манере мгновенно успокоившись, спросил Гермес. – Толку-то нам от спроса с тебя, если ничего не получится!

– А ты предлагаешь что-то другое? Где примерно находятся ребята, мы и так знаем. Он добавить к этому ничего не может, хоть на куски мы его разрежем, – он все это время здесь сидел. Что дальше?

Гермес молчал. Молчал и дышал, дышал и смотрел.

– Ничего, – после минутной паузы произнес он. – Я просто готовлю группу на послезавтра.

Развернулся и ушел. Точиринов смотрел ему вслед, и в голове вертелся только один вопрос: «Как *мне* выполнять взятое на себя обязательство после того, как парнишка всё сделает?» Указания самого Гермеса на этот счет были более чем конкретными. В этой войне не только у аталь были проблемы с честью.

Глава 8

Беда всегда приходит неожиданно. Даже если ты ждешь ее со всех сторон и готов встретить. Все равно, первый колокольчик, рассказывающий о том, что беда уже здесь, гремит как гром среди ясного неба. Подготовиться к этому совершенно невозможно. Но можно быстро понять, что именно случилось. А дальше – не зевай...

Беда свалилась в 16.00 по местному времени Зеленого Лепестка, когда до выхода оставалось меньше суток. Да что там суток – выходить группе утром. Привез беду маленький симпатичный колокольчик – девчонка-почтальонша, стойку на которую делали все оголодавшие по женскому вниманию кобели под погонами. Помимо просто почты, она привозила сплетни, слухи и байки. В этот раз к ним добавились фотографии.

– Командир, не нравится мне всё это, – Вася, заполнивший собой весь проход, держал в руках несколько снимков.

– Что случилось? – Семен поднял голову от распечаток и карт, над которыми они с командиром группы спецназа, готовившейся к выходу, корпели уже третий час.

– Там аталь наших пленных вывесили.

– В смысле «вывесили»? – переспросил командир спецназа.

– Где – там? – Это уже Точилинов.

– Вот, – Вася положил на стол фотографии. – Что смог – забрал, но остальное у ребят. И это им очень не нравится. Мне, если честно, тоже.

Семен взял снимки в руки – и его замутило. Остальные тоже в восторге не пребывали. Не может одно разумное существо так издеваться над другим. Больше сотни солдат, захваченных в плен, висели на деревьях, судя по всему, перед передним краем войск Экскора. Вид их был ужасен. Даже на расстоянии (снимок был сделан из окопов) видно было, как страшно людей пытали перед смертью. А двое солдат вообще были еще живы. Растерзанные трупы, вырванные внутренности, отрезанные конечности. Переплетенные друг с другом органами тела. Жуть, мало в каком музее пыток такое увидишь, фильмы ужасов отдыхают – фантазия людей редко так далеко заходит.

– Ублюдки, – задыхаясь от бешенства, прошептал кто-то.

– А вот тут начинаются наши проблемы, – угрюмо продолжил Вася. – Это снимки с линии сорок третьей дивизии.

– И что с того? – подал голос командир спецназа.

– Они стоят против ополчения Луговой Травы.

– Нет! – Семен все понял мгновенно. – Что с Каллимо?

– Все туда собирались, – пожал плечами сержант.

– За мной. – Точилинов вылетел из палатки.

Вовремя. Перед палаткой, где держали Каллимо, уже собралась довольно внушительная толпа. Перепуганный караульный судорожно тыкал стволом автомата в разные стороны, пока не подпуская разъяренных солдат близко к палатке:

– Стой, стрелять буду! Назад, я кому сказал!

При виде Точилинова на лице караульного появилось такое облегчение, что Семен понял – дело худо.

– Разойдись!

Спецназ клином прорезал толпу и выстроился перед палаткой.

– Что здесь происходит?!

– Давить тварей! – Здоровенный круглолицый старшина из первых рядов с перекошенным лицом заорал прямо в редкую цепочку спецназовцев. – Давай сюда этого щенка из Луго-

вых. Мы его папе вернем, как они наших. Гнусь зеленая, мать его... через колесо два раза... и в дышло...

– На куски... , порвем и сожрать заставим, – вылез кто-то мелкий и вертлявый.

Толпа зашумела и придвинулась.

– Как безоружных резать, так они первые...

– Че он там отсиживается? Папы небось нету?

– Давай его сюда.

– Дава-а-ай, пса трусливого...

И когда ты думаешь, что проблема уже выросла дальше некуда, она всегда, *всегда*, становится гораздо больше. Полог палатки отодвинулся – и перед бушующей толпой предстал тен-таль Каллимо собственной персоной. С яростно горящими глазами, готовый отстаивать родовую честь до конца:

– Я здесь. Вы звать меня, люди?

Несмотря на серьезность ситуации, Точилинов чуть не выпучил глаза: он и предположить не мог, что Каллимо хоть слово понимает по-русски.

Сзади маячили два растерянных солдата из роты охраны, сжимающие в руках бесполезные гранаты.

Шум за парусиновой стенкой придвинулся. Отчетливо стали слышны яростные крики и обещания расправы.

– Серега, посмотри, что там происходит, – обеспокоенный старший сержант роты охраны УПМ, мотнул головой в сторону выхода.

Второй солдат, находившийся рядом с аталь, высунул голову, выясняя у караульного причину происходящего.

По инструкции, пленного аталь, находящегося в Зеленом Лепестке, перемещали либо в бессознательном состоянии, либо увешанного ограничительными амулетами и в сопровождении двух охранников. Каждый из них держал в руке гранату с выдернутой чекой. Ничего умнее принципа «мертвой руки» придумать не получалось – аталь на три головы превосходили людей в магии. Вот и сейчас два охранника сопровождали Каллимо, и не столько охраняли его, сколько следили, чтобы он не начал плести магические узоры.

– Хрень какая-то, – Серега влез обратно. – Толпа сюда бежит, все руками машут. Чего случилось?

– Сидим, – определил старший.

Крики за стенкой палатки тем временем становились всё громче. Отчетливо стало слышно, как кто-то требует от караульного выдать им пленного аталь, чтобы разорвать его. Старший покосился на пленника. Тот не сдвинулся ни на сантиметр, но побледневшее лицо ясно показывало, что он что-то слышит и понимает. Это было странно, до этого аталь никак не выказывал своих способностей к языку людей. Но осмысление требовало хоть какого-то времени, а сейчас явно было не до этого.

– ...его, как они наших порезали... – донеслось снаружи. – Гниль зеленая, тварь трусливая.

Каллимо дернулся вперед.

– Сидеть, – старший выставил вперед руку с гранатой. – Не двигаться. Держись – взорву.

Каллимо посмотрел на него безумным взглядом:

– Ты думать, человек, я не знаю своя честь?

Охранники вздрогнули. Понимающий с пятого на десятое Каллимо еще как-то соотносился с реальностью, но говорящий мелодичным голосом, он оказался полной неожиданностью, до этого он не произнес на русском ни звука.

– Ты думать, я боюся? Кого? Тех людей, меня резать? Я, тен-галь Каллимо? Тен-галь Фириен Заль? Я говорить с них. Ты, не боюся. Не будет хальер, говорить.

Он поднялся. Верхняя губа приподнялась, выражая крайнюю степень презрения к червякам, осмелившимся угрожать аталь.

– Сядь, – железным голосом произнес старший. – Тебя там не хватало. Так управимся. Вон и командир пришел, шас разберутся.

– Что здесь происходит?! – донесся снаружи знакомый голос Точилина.

– Давить тварей! – Истеричный крик резанул по ушам. – Давай сюда этого щенка из Луговых. Мы его папе вернем, как он наших. Гнусь зеленая, мать его... через колесо два раза... и в дышло...

– На куски,, порвем и сожрать заставим! – тонкий голос вторил ему.

Каллимо побледнел еще больше и подался вперед.

– Сидеть, – уже не церемонясь, толкнул его в грудь старший. Но с таким же успехом он мог разговаривать с палаткой, аталь продолжал подниматься.

– Взорву, на хрен, – второй охранник схватил аталь за руку и сунул в лицо гранату.

– Если ты показать это, – Каллимо усмехнулся железному шарик, – то взрывать. Не говорить – делать.

И неожиданно легко поднялся, потащив за собой обоих охранников.

– Мое слово честь. Нет хальер, только говорить, – Каллимо было не остановить, аталь действительно физически были намного сильнее.

– Как безоружных резать, так они первые... – надрывались голоса снаружи.

– Че он там отсиживается? Папы небось нету?

– Давай его сюда.

– Дава-а-ай, пса трусливого...

Каллимо откинул полог палатки:

– Я здесь, вы звали меня, люди?

С таким подарком судьбы Семен не знал что и делать. От неожиданности он просто растерялся. А толпа напирала. Злые глаза впились в дурачка, решившего сыграть в благородство.

– А-а-а! – заверещал вертлявый. – Вот он, сучий потрох. Давай сюда, к нам, мы тебя оприходуем.

– Мужики, вы чего? – Один из спецназовцев вспомнил сам и решил напомнить другим, что они вместе. – Чего делим-то? Он свое получит. Не сейчас, так потом. Задание у нас, не понимаете?

– Вот ваше задание, – мелкий поднял над головой фотографию. – На деревьях висит. Так, мужики? – Он повернулся к остальным, и толпа дружно заревела.

Краем сознания Семен отметил, что толпа становится всё больше. Люди подбегали со всех сторон. «Да где же командиры-то?» – мелькнуло в голове у Точилина. И не у него одного.

– Никто про субординацию не забыл? – возвысил голос командир спецназа. – Где командиры?

Мелкий заводила толкнул в бок круглолицего старшину, тот заревел обиженным быком:

– Мы со своими командирами сами разберемся, щенка сюда давай.

Дышащий ненавистью строй придвинулся ближе. И не лавочки какие-то – воины. Не один раз смерти в глаза заглядывавшие. Спецназ, на что ребята тертые, и те назад немного подались. Один Каллимо остался стоять, где стоял. Один. Против толпы.

«Да какой толпы? Это же свои. Наши ребята. Что с ними? Как их остановить?» Пока это всё мелькало в голове у Семена, тело сделало все само. Шаг вперед, и он встал вровень с

пленником. Еще полшага – и он впереди. Теперь он один на один с толпой. Нет, не с толпой уже: если они еще не вспомнили, что они солдаты, то скоро вспомнят. И только эти двое... Нет, не двое, старшина тоже валенок тот еще. Воду мутит только мелкий. Кто ж тебя обидел, родной? Чего ж ты так подпрыгиваешь? Семен присмотрелся. Парень как парень, ничего особенного. Ну, жилистый, верткий, невысокий. Маленькие, близко посаженные глаза, горящие лютой ненавистью. Обидели тебя аталь? Так они всех обидели. А мне этот пацаненок очень нужен – нет, не отдам. Извини, брат. Калечить тебя я не буду, не заслужил ты, а вот проучить, чтобы впредь на рожон сам не лез и других не подбивал, нужно.

Если бы этот вертлявый отсиживался сзади, толкая под раздачу других, Семен бы и не задумался ему чего сломать, но раз сам впереди идет, то не заслужил он, нет, не заслужил.

– Назад, товарищ солдат. Или присягу забыли? – раздельно и четко, с явной угрозой произнес Точилинов, глядя прямо в глаза вертлявому. – Приказ слышали? Выполнять.

Так, и только так. На ничего не соображающую толпу только и действует спокойный уверенный тон. Или не действует.

– Да пошел ты, полковник, – разухабисто выкрикнул мелкий.

Все, точка фокуса. Если сейчас не отреагировать, они бросятся, Семен остался один перед последним рубежом. Так, где линия? Черт, и ведь попрактиковаться-то толком не получилось ни разу. Ну что ж теперь делать? Вот заодно и попрактикуешься.

– У-а-а, ай-я-й-я-й!!! – Мелкий завертелся волчком, пытаясь сбросить с головы залепившую лицо тварь, похожую на паука. Семен смотрел – и сам не верил. Получилось, в первый раз получилось! «Ага, – раздался в голове противный смешок, – на своем. С почином вас, Семен Алексеевич, так сказать. Что дальше?»

– Все назад! – Пока Точилинов копался в себе, спецназ не дремал. – Кто подойдет, то же самое будет. Командиры где?

– Рота, стой! Внимание! – наконец-то. Какой-то ротный все-таки добрался до заварушки. – Всем разойтись по палаткам. Командиры взводов, какого... вы тут сидите, как в цирке? Петров, я не понял, что твои люди тут делают. Р-р-разойдись!

И обыденная командирская речь сделала свое дело. Потихоньку, по одному, люди начали сбрасывать мутную одурь. Начали оглядываться по сторонам, с удивлением обнаруживая себя совсем не там, где должны быть. И толпы не стало. Осталось просто много людей, стоящих перед палаткой с аталь. И только мелкий заводила все еще продолжал кататься по земле – тварь не хотела отлепляться.

– Все, Семен Алексеевич, снимайте. С этим мы сами разберемся, – тронул за плечо Точилинова командир спецназа.

Семен выдохнул – оказывается, все это время он не дышал – и потянулся к линии хальер, чтобы убрать тварюшку.

А линии не было. Точнее, она была, но вот отделяться от основного узора не хотела. Семен потянул – никак. Соскальзывает петля. Да как же ее взять-то? Парень уже хрипел – тварь перекрывала горло. Нет, только не это. Да нет же. Узор не отделялся. Он врос в несчастного бойца намертво. Силы у парня заканчивались, он уже и хрипеть переставал. «Все, конец, – обреченно промелькнуло в голове у Точилинова, – прости, братишка». Мелко затряслись руки, и ледяная волна побежала по позвоночнику. Убил, своего убил!

Каллимо едва заметно пошевелился – и тварь исчезла, как не бывало. Узор расплелся, линия ушла. Семен поднял глаза на аталь. Тот чуть поднял бровь, повернулся и пошел назад в палатку, по пути небрежно раздвинув совершенно обалдевших охранников. Полог палатки закрылся.

– Командира мне сюда, – хриплым голосом приказал Точилинов и побрел к валявшемуся неподалеку стволу срубленного дерева. Что-то ему нехорошо стало.

Для всех эпизод с тварью от начала и до конца остался заслугой Семена. Полковник, прибежавший через несколько минут, откровенно вибрировал, стоя перед Точилиновым по стойке смирно. Похоже, ждал себе на голову такую же тварь. Кто ж их, магов, знает?

– Что происходит, товарищ полковник? – сварливо поинтересовался Точилинов. – Откуда такой бардак?

– Да в сорок третьей сейчас половина наших, – нервно сглотнул комполка. – Ее аталь почти всю в прошлую кампанию выбили, вот костяк решили из наших сделать. Так что, получается, все прибежали за корешей своих мстить.

– Корешей? – поперхнулся Точилинов. – Значит, корешей... Вы в своем уме, товарищ полковник? Полк плюет на субординацию и Устав только потому, что в соседней дивизии есть какие-то кореша, и вы так спокойно об этом мне заявляете? У вас тут что, сорок разбойников, от Али-Бабы сбежавшие, или воинское формирование?

Выволочка эта, честно говоря, смысла не имела никакого. Не Семену делать выводы и проводить разбор полетов. Все равно, что случилось, то случилось. (Хотя, кто и виноват, как не командир?) Но очень хотелось выплеснуть прошедший страх на кого-нибудь, да и про безопасность в ближайшие сутки следовало подумать: группе выходить только завтра.

– Никак нет, – не очень бодро доложил полковник.

– Никак нет – что? – поинтересовался Точилинов.

– Никак нет, не сорок разбойников, – упавшим голосом пояснил тот.

Он уже все давно понял и теперь даже оправдываться не пытался. Семен аж расстроился: ну как можно злость срывать на человеке, который даже и трепыхаться не пытается. Точилинов потер лицо. Усталость от пережитого потихоньку брала за горло. Черт с ним, с этим полковником. Он вздохнул:

– Можете идти. Потрудитесь донести до своих людей, что они все-таки военные и приказы старших по званию надо исполнять.

– Есть, – побагровевший полковник отдал честь, деревянно повернулся и направился к группе ожидающих его офицеров. Семен понадеялся, что он достаточно зол на подчиненных, чтобы всем на ближайшую ночь нашлось занятие, которое их отвлечет от мести...

Глава 9

Надеялся он зря. Как ни дико это звучало, но из полка пришлось уйти в полночь, на шесть часов раньше запланированного. Полк кипел и бурлил, и успокоить его командиру так и не удалось. Снимут ли его с должности и пойдет ли под трибунал счастливо спасенный вертлявый боец, Семена, конечно, волновало. Весьма. Минут двадцать. Пока пробирались через передний край аталь.

А потом он догнал поспешающего за сопровождающими Каллимо и молча пошел рядом. Говорить ничего не надо было. Да и не получалось. Парень спас. Спас и мелкого вертлявого наглеца, и Семена. И не посмотрел на то, что подарил жизнь врагу, который, быть может, до последнего вздоха будет убивать таких, как он. А еще он подарил честь куда более значимому и могущественному врагу, который тоже не собирался оставлять в покое Зеленый Лепесток. Всё уже сделано, и говорить здесь – только воздух трясти. А парню еще предстоит довести группу спецназа до места, где его соплеменники держат магов. И это, притом что он фанатично, до одури предан своей расе.

Поэтому Семен только прошел с ним немного, вздохнул, несильно хлопнул его по плечу и отстал – группа подходила к точке разделения. Точилинов с двумя спецназовцами оставался ждать группу обратно и готовить проход – можно было с уверенностью предположить, что на обратном пути их ждет более чем теплый прием. И маг, остающийся обеспечивать выход к своим, должен быть готов ко всему. Семен и был готов ко всему. Вернее, четко знал, что сделать он ничегошеньки не сможет.

Но выпускать спецназ одних, без магов, вообще было бы чистым самоубийством. В конце концов, все под богом ходят, и погоны тоже не для красоты носят. Когда-то да придется умирать – так почему не сейчас?

Но вот только почему, когда чужой лес съел шуплую спину уходящего пацана, на душе у полковника Точилинова стало так погано?

Осторожное прикосновение к щеке вырвало Семена из неглубокого сна, в который он провалился к вечеру:

– Кто?..

Крепкая рука зажала ему рот и придавила, не давая подняться. Он моргнул и узнал. Разрисованное лесной краской лицо одного из двух спецназовцев, оставленных с ним, нависало над Точилиновым.

– Тсс, – боец прижал палец к губам и указал себе за спину.

Семен посмотрел – и не поверил своим глазам. Из леса, один за другим, неслышно выходила группа. Один, два, три... семь. Почти все! И еще. Три силуэта, размытые в вечерних зеленоватых сумерках. Два мужчины и одна женщина.

«Добро пожаловать, мадмуазель Сорен, мы уж заждались», – усмехнулся про себя Семен.

И тишина. Ни криков, ни узоров хальер, ни погони. Профессионалы. Пришли, забрали, ушли. Ай да ребята! Ай да Каллимо, не подвел пацан. Так, а это что? Последний, восьмой член группы, выходящий из уже почти черной лесной тени, нес на плече сверток. Длинный и, судя по всему, тяжелый.

– Да вы, я посмотрю, еще и моральный ущерб отжали, – широко улыбаясь, Семен пожал руку командиру.

– Никак нет, – так же широко улыбаясь, в тон ему ответил тот. – Вернули казенное имущество, согласно распоряжению.

– То есть? – не понял Точилинов, присаживаясь на корточки над чьим-то телом, завернутым в маскировочную плащ-палатку.

Все еще радостно улыбаясь, он отогнул край... И вздрогнул – мертвенно бледный Каллимо выглядел гораздо хуже, чем утром.

– Что это? – Точилинов перевел взгляд на командира спецназа. – Зачем вы его сюда принесли?

– А что? – встревожился майор. – Надо было там убрать? Сказано было – живым.

– Чего – «живым»? – Семену захотелось потрясти головой, чтобы уложить разбегающуюся с истошными воплями мысли. Разговор начинал напоминать диалог между глухим и слепым.

– Доставить живым, – пояснил майор. – У меня приказ от моего начальства доставить аталь Каллимо по завершении операции обратно в распоряжение УПМ. Живым.

– Что?! – раненой белугой заревел Точилинов и тут же осекся, шуметь в лесу не следовало.

– Какой приказ? – зверским шепотом заорал Семен. – А мы с тобой в полку о чем говорили? Ты меня слушал или где?

– Так точно, слушал, – сдвинул брови майор. – Но на этот счет у меня есть четкие инструкции от генерал-майора Йенсена. Игнорировать ваши приказания в части, касающейся возвращения пленного.

– Гермес тебе приказал херить мои приказы? – не поверил своим ушам Семен.

– Не приказал, – уточнил спецназовец, – рекомендовал. И только в части, касающейся невозвращения пленного.

– А я приказываю. Приказываю, а не рекомендую, майор. Отпустить его обратно. Это было условие сделки, – Семен сказал – и понял, что ошибся. Лоб в лоб – приказ на приказ – он проиграет.

– Никак нет, – деревянным голосом откликнулся на его мысли майор. – Пленника приказано доставить обратно.

Точилинов открыл было рот, но, столкнувшись с обреченно упрямым взглядом майора, медленно закрыл его. Спецназовец перевел дух.

– Спасибо, товарищ полковник. Никак нам нельзя его оставить – голову снимут, у нас с этим строго. – Примириительно произнес он.

«Строго? – обозлился Семен. – Да я вас...» И понял, что ничего сделать не сможет. Последнее дело – устраивать склоку на вражеской территории. Да и против спецназа он не потянет – дадут по голове и доставят вместе с Каллимо в плащ-палатке. Разбирайся потом. Хитер Гермес. Что он с ними сделать сможет? Только убить. Ну не та у него квалификация магическая, чтобы управлять людьми. Вот Каллимо, например, тот да. О...

Семен схватился за мысль, как за спасательный круг. Опять спасать. И опять свою честь. Только теперь самому придется, никого рядом. Так, где линия? Вот она. Хорошо в Зеленом Лепестке, никаких проблем с магией – раз, и все. Семен лекарь был умения совсем уж невеликого, но на то, чтобы подергать несильно за жизненный контур хальер, его хватило. Майор так и не понял, что же он делает, пока Каллимо не зашевелился и не открыл глаза.

– Ты что?! – Он бросился к аталь.

– Назад! – хоккейным толчком отбросил его Точилинов. – Все назад! Или паука в глотку захотели?!

Сработало. Бойцы на секунду замешкались, и за это время Каллимо, молодец какой, успел встать на ноги. Мгновенно оценил ситуацию – и вокруг спецназа выросла невидимая стена. Даже проклятия перестали быть слышными. Остались двое. И только теперь Семен понял, что он наделал. Привыкнув за все их встречи, что Каллимо не может пользоваться магией, он привычно поставил его ниже себя. И вот пришла расплата.

Они стояли молча. Долго. Не моргая, смотрели друг другу в глаза. Как в детской игре: кто кого переглядит.

– Что они хотел? – медленно и как-то величаво даже спросил Каллимо.

– Вернуть тебя обратно, – не отводя глаз, ответил Семен.

– А ты, человек?

– Я выполняю наш договор. Ты свободен. И я приношу свои извинения.

Аталь перевел взгляд на бьющихся за невидимой преградой спецназовцев и безуспешно пытающихся что-нибудь предпринять магов. Под его взглядом каждый останавливался и замолкал.

– Я могу убить вас. Всех.

– Это будет не так просто, – все-таки нашел в себе силы ответить Семен.

Аталь усмехнулся. Посмотрел вдаль, словно ища что-то. Потом перевел взгляд на Точилина, и тот едва сдержался, чтобы не отшатнуться, – такая сила светилась в его глазах.

– У вас десять ваших минут, – твердо выговорил Каллимо. – Ты выполняешь договор, поэтому я не убью тебя сейчас. И их. Но договор не полный. Уходи. Через десять минут буду убивать.

Точилинов оценил жест. Аталь на самом деле ничего не стоило убить их всех прямо сейчас. Но он чтит договор, хотя потерял он гораздо больше, чем приобрел. Медленно-медленно, все так же, не отводя взгляда, он поднял руку к виску, отдавая честь врагу.

Каллимо склонил голову:

– Ты странный человек, – тяжело проговорил он, – тебе будет тяжело со своими. Я видеть. И с чужими нелегко. Я думал. Ты говорить про будущее. Когда вы победа давать.

Взгляд его сделался задумчивым. Он как будто принимал решение. И решил:

– Я скажу, ты слушай. Все хотят после победы говорить с нормальными врагами. Я бы тоже хотел говорить с тобой. Три ваших месяца не ходи сюда. К нам. Не ходи. Тебе будет плохо.

– Что ты имеешь в виду?

Но взгляд аталь опять приобрел былую твердость:

– Я все сказал, человек. Время идет.

И отошел на несколько шагов, отгородившись той же невидимой стеной.

Точилинов, к счастью, не стал переваривать его слова. Спиной почувствовав смертельное дыхание, он бросился к освобожденным бойцам.

– Уходим! Бегом, бегом, все, что не собрано, бросаем. Он дал нам десять минут. Потом пойдет охота.

К непередаваемой радости Семена, они всё поняли. Не стали задавать дурацких вопросов, не стали трясти бесполезно воздух, выкрикивая оскорбления, хотя видно было, что очень хотелось. Только майор просвистел сквозь сжатые зубы: «Ну, тов-в-варищ полковник, мм...» И все. Подхватились и побежали.

Деревья замелькали навстречу. Сколько они сюда шли? Минут двадцать? Впритирку, но должно хватить. Вперед, вперед. Семен на ходу за каким-то чертом как будто это кого-нибудь остановит, бросил назад пару узоров, создающих тварей. Что получилось, даже смотреть не стал. И еще повесил себе на спину воздушный щит – всё, чему Борис по своей теме смог научить. А потом пошел последним. Он эту кашу заварил – ему и расхлебывать.

Д-р-р-р, дум. Несколько стрел, скользнув по только что созданному щиту, выбили стакато на соседних деревьях. Лес огласил переливчатый крик. Погоня началась. Майор на бегу бешено оглянулся на Точилина. Десять минут еще не прошло. Каллимо не сдержал слова.

До переднего края оставались считанные метры. Шквальный огонь не жалеющих патронов спецназовцев (чего уж теперь) выметал всех перед ними. Но они не успевали. Семен почти физически чувствовал, как трясется щит от постоянных попаданий. В лесу, где деревья мешали точно стрелять, он закрывал всех. На открытой местности ему просто не хватит умения держать щит над всеми. А впереди было пятьсот метров поля. Поля, за которым сидели свои.

Поля длиной в целую жизнь. Поля, которого им не перейти никогда. Они перелетали через передний край.

– Третий, третий! Поезд идет, поезд идет! Давай, б...ь! – командир выдернул из нагрудного кармана рацию и, уже не скрываясь, орал на всю округу.

И поле ожило. Темная полоса на дальнем краю одновременно полыхнула огнем. От грохота рвущихся снарядов уши сразу перестали что-либо слышать. Вспышки впереди превратились в постоянный свет. Впереди велся огонь, похоже, из всего, чего только можно. Каждый сантиметр сзади них поливался шквальным огнем. «Кого же Гермес сюда притащил?» – промелькнуло в голове у Семена. А потом мысли кончились. Остался только бег по неровному полю. Бег вперед, к ярким огонькам выстрелов, к своим, домой. Ничего больше, только бежать. Бежать и держать щит. Хотя, кому он нужен теперь? Всё равно держать. И молиться.

Да сколько же еще можно, когда оно кончится, это поле? Цепочка огней впереди медленно приближалась. И вдруг в ней появился разрыв. Туда, понял Семен, там вход. Шаг, два, десять. Дыхание рвется из разрывающейся груди. Где свои, где чужие? Куда они бегут? Земля ушла из-под ног. Раз – и нету. И к огням выстрелов в вечерней темноте прибавились яркие звезды из глаз.

– А-а-а-а! – Семен, барахтающийся в какой-то яме, судорожно, рывками, начал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, кто орет. Оказалось, он сам. Темные тени выросли по сторонам. Он едва сдержал удар, скорее почувствовав, чем увидев. Свои! Каски, автоматы, полевая форма. Дошли! Мама родная, дошли! Полковник Точилинов обессиленно сполз по стенке траншеи.

Глава 10

– Рассказывай, – Гермес тяжело уселся в кресло и посмотрел на Точилина. Взгляд его не предвещал ничего хорошего, но и у Семена за душой тоже была парочка камней.

Вымотанных освобожденных магов вместе со спецназовцами и Семеном Гермес мгновенно выдернул на Землю. Ни секунды не дал лишней провести в Зеленом Лепестке. Ну, оно и правильно. Хватит. Риска в этой авантюрной операции и так было выше крыши. Фактически она вся и была построена на одном лишь везении.

Так что не стоит усугублять. Впечатление при этом, правда, получилось совершенно фантазмагорическим. Полчаса назад они убегали от смерти по простреливаемому полю, а тут – раз, оглушающая тишина Карельского перешейка, умиротворение, благолепие и покой. И тихий кабинет начальника УПМ, вознамерившегося как следует отделать самовольщика. Крыша у Точилина порядком съезжала. Слишком уж много пришлось на этот день. Но Гермеса это не волновало ни в малейшей степени.

– Рассказывай, что произошло и какое ты имел право отменять мой приказ.

За что Семен был в своей жизни бит – не раз, не два и даже не двадцать, – так это за то, что в такие моменты молчать он не умел категорически. Знал он, всё знал. И что от прямого столкновения с начальником никогда ничего хорошего не получается. И что, скорее всего, Гермес абсолютно прав: информации-то у него значительно больше. Всё он знал. Но маленький демонёнок, сидящий внутри, точнее, один из них, тот, который всю его жизнь дергал его за язык и активно портил эту самую жизнь, неизменно оказывался сильнее. Вот и сейчас он разжал судорожно сведенные челюсти.

– Приказ? – Сумасшедший день тоже немало способствовал «раскрепощению» в разговоре. – У меня был приказ, товарищ генерал-майор? Где?

– Не пори чушь, – Гермес прекрасно понимал, что, если брать официальную версию, то к Семену не придерешься, но никаким образом не собирался это учитывать, – майор тебе все озвучил. Каллимо должен был быть доставлен обратно. И всё ты понял.

– Ни черта я не понял, – Точилина несло, но сделать он уже ничего не мог. – Ничего, что я ему слово дал? Как и он мне. Он свой договор выполнил, – Семен понимал, что сейчас скажет невероятную гадость, но все равно не удержался: – Мадмуазель Сорен, как я вижу, уже в безопасности. Что я должен был после этого сделать? На чай ему дать за хорошо выполненную работу?

Лицо Йенсена окаменело. Если Точилин хоть что-то понимал в его мимике, то Гермесу очень хотелось его убить. Прямо сейчас. Семену аж страшновато стало. Все-таки пред ним сидел один из самых сильных магов Земли. Но Гермес сдержался.

– Вы, товарищ полковник, – Йенсен чуть ли не по слогам произнес его звание, – должны были всего лишь обеспечить безопасность группы. Никакие взаимоотношения с пленными вас не касаются. Так?

Семен молчал. Чего уж там. Так. Гермес прав. Старший группы – майор спецназа, все приказы у него. Ему действительно вменялось всего лишь прикрыть группу от магического воздействия.

Гермес тем временем в своей манере резко сменил интонацию. Вот ни у кого так больше не получалось, только у него. Только что он метал громы и молнии, и хотелось спрятаться под стол, щелк – нормальный человек. Абсолютно нейтральным тоном, как будто обсуждая прогноз погоды, Йенсен поинтересовался:

– А ты знаешь, кто такой на самом деле тен-таль Каллимо?

В нормальной обстановке Семену бы напрячься – уж больно неожиданный вопрос, – но этот день вычерпал все силы до дна, хотелось только, чтобы это все закончилось как можно скорее. Уже любой ценой.

– Нет, а что?

– Да, собственно, ничего, – Гермес закурил. – Наш друг трудится ни много ни мало личным секретарем Принца Лианы зол-италь Санделя.

А вот тут Семену стало по-настоящему нехорошо.

– Твою в душу ни маму... Так что ж ты молчал?! – Он забыл и что Йенсен генерал-майор, и что встреча эта является взбучкой, – вообще все забыл. Такие новости кого угодно ошарашат. – И как давно ты это знаешь?

– Информация пришла за два дня до вашего выхода.

– И ты молчал?

– А что прикажешь делать? Сообщить тебе? Так ты вот уж точно бы его отпустил. Гарантированно. Соглашения с лицами такого ранга ты бы уж не нарушил никак.

– А рядовым я, значит, могу и соврать? Только боссам задницу лижу? Ну спасибо, – вскипел Семен.

– Нет, – Гермес, не глядя на Семена, стряхнул пепел в пепельницу, – я имел в виду совсем не то. Просто ты решил, что ты рыцарь и все вокруг тоже будут с тобой обращаться по-рыцарски. И потом будут поступать так же и со всеми остальными. Ты пытаешься воспитать весь мир. Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе, и все такое.

– Вот только не надо сейчас лекций о нравственности и сопряженных явлениях, ладно? Не говори, что все это не работает.

– Работает, – Гермес раздавил сигарету и тяжело посмотрел прямо в глаза Точилинову. – Работает, и еще как. Вот только одна проблема есть. Она работает исключительно на тебя. Понимаешь? Ты выходишь чистым и честным перед всеми. Но при этом принимаешь на себя обязательства поступать так же и впредь. И это гарантирует тебе рыцарское отношение с противоположной стороны.

– А что здесь плохого? – не понял Семен.

– А то, – Гермес устало провел по лицу рукой, видно, ему этот день тоже дался непросто, – то, что тебя совершенно не волнует, что будет с теми, кто не выполняет рыцарский кодекс. А таких большинство. И я вынужден лавировать между вашими разнообразными моральными устоями, чтобы вы все смогли вечером прийти домой и лечь спокойно спать. Чтобы и ты, и французы, и спецназ вернулись домой живыми. И чтобы еще тысяч сто или двести человек (заметь, человек – таких же, как мы с тобой, людей, а не нелюдей) смогли точно так же вернуться домой и жить дальше. И информация в голове у этого пацана немало этому способствует. Ты хоть на секунду можешь представить, что может рассказать секретарь самого зол-итана Санделя, второго лица в ополчении Листьев?

Семен дрогнул, отпускать такого пленного действительно было нельзя. Но разговор уже зашел слишком далеко, день был слишком тяжелым, и он не смог остановиться:

– Значит, давай теперь уродами будем, да?

Йенсен замолчал. Молчал он долго и смотрел на Семена с каким-то странным выражением.

– «Я его оскорбил, я сказал: капитан, никогда ты не будешь майором!» – помнишь такую песенку? – тихо спросил он наконец и выпрямился в кресле. – Иди, не будет тебе разноса. Живи как знаешь. А я уж тут сам. Как-нибудь в говне покопаюсь.

Если б не этот проклятый день, Семен, может, и нашел бы что сказать, а так он просто молча встал и пошел к двери. Хотел на выходе садануть дверью, но передумал.

Глава 11

– Танков бы нам парочку, – молодой капитан заговорщицки повернулся к Точилинову, – а может, вы чего сообразите, товарищ полковник, а?

– Нет уж, – ухмыльнулся Семен, – без меня. Я огненные шары метать не умею. Да и без толку всё это. Там тоже не дети сидят. А если совсем честно, то не тянем мы против них.

Наплевав на предупреждение Каллимо, последние два месяца Точилинов пропадал в Зеленом Лепестке. Уж больно унижительной оказалась немощь, которую он испытал. Он не хотел больше оставаться магом только по названию. Первичной теоретической базы было уже завалилось, а в высокие материи ему пока было не с руки лезть, сначала надо в первых ступенях разобраться. Вот он и разбирался, не вылезая с переднего края, вникая в особенности магических боев и накапливая информацию. И информация его переставала радовать. Она, собственно, и раньше не особо обнадеживала, а теперь совсем уж непонятное начинало твориться.

Вот и сейчас, сидя в окопе перед небольшим холмом, удерживаемым аталь, он пытался разобраться во внезапно отказавшем гранатомете. С виду ничего особенного, АГС-17. Станковый гранатомет – он и в Африке станковый гранатомет, – ствол на треноге с коробом обоймы. Ничего неизвестного там отродясь не водилось, все насквозь изучено и разобрано. А вот поди ж ты, не работает – и всё тут. Семен шипел и плевался, в четвертый раз разбирая оружие до винтика, и жутко злился на капитана, который пребывал в совершенной уверенности, что это – дело рук магов. Казалось бы, это ему полагается валить всё на магию, ан нет, Семен завелся. Ну в самом-то деле, как может не работать набор железяк, каждая из которых в отдельности пребывает в полном порядке. Гранатомет исправно щелкал, боеприпас досылался – а выстрела не происходило. Они уже пятый раз меняли боекомплект, проверяли, доходил ли боек до патрона, и все в подобном же духе. Но – никак.

– Я ж говорю, – капитан демонстративно лениво оперся на стенку траншеи, – это не он, это оттуда, – он мотнул головой в сторону холма, – пришло. Там эти, здоровые, торки появились – и сразу началось. Мне и приятель один рассказывал: как они появляются, сразу техника начинает глючить. Вот они некстати договорились-то между собой. Как в книжках, эльфы с орками. Х-ха, я и говорю, танков бы сюда, накрыли бы его, засранца. И все дела. Сразу бы всё заработало.

– Они могут между собой договариваться о чем угодно, твои эльфы с орками, а железо должно работать, – Семен зло дернул застрявшую деталь. – Если пружина сжимается и разжимается, то все должно работать. Законы физики никто не отменял.

И вдруг рассмеялся:

– Эльфы с орками, говоришь? Похоже.

И действительно похоже было. В войсках давным-давно уже окрестили все три расы нелюдей Клевера на земной лад. Изящные аталь с их острыми ушами и феноменальной способностью стрельбы из луков превратились в эльфов. Коренастые мощные глеммы, живущие в подземных городах и как никто разбирающиеся во всём, что связано с землей и всем, что из нее добывается, стали гномами. А высоких воинов-кочевников с их зверским оскалом заостренных зубов и неизбывной страстью к разрушению, немедленно окрестили орками. Чего зря земному фольклору пропадать.

– Конечно, похоже, – капитан, роту которого выделили Семену в помощь, снял полевую форменную кепку, подложил ее под голову и поудобнее устроился в траншее. – Вы, товарищ полковник, совершенно напрасно мучаете прибор. Тут надо снайпера вызывать. Пока он этого паразита зубастого не выцелит и не грохнет, эта штука работать не будет. Проверено. У них же магия как работает: они суть и дух предмета видят. Или с духами какими общаются. Они

хоть гранатомет, хоть мотоцикл, хоть карандаш зачаруют. Умеют, гады, договариваться как-то. Вот случай был..

– Да ты, я смотрю, готовый маг, – прервал готовящегося рассказчика Точилюнов. Он про такие «случаи» за последние два часа наслушался уже выше головы. Починить гранатомет это не помогало. – Чего ты здесь-то делаешь, давай к нам.

– Да вы не обижайтесь, товарищ полковник. У вас мне делать нечего. Я понимаю что происходит, понимаю, а вот сделать – никак.

– Да я и не обижаюсь, – Семену стало стыдно за свою вспышку, тоже нашелся великий маг и волшебник. – Просто я тоже сделать ничего не могу. А вдобавок я еще ничего и не понимаю. Все линии я просмотрел: чисто. Если бы маг работал, так хоть что-то бы да было заметно, а здесь – ничего.

– Так я ж говорю, у них магия другая. Они не так, как эльфы с гномами, работают. С духами предметов говорят.

– Да ты-то откуда это знаешь? – удивился Семен.

– С людьми говорю. Слушаю, чего и где случается. Интересно мне.

– Интересно ему, – проворчал Семен. – И чего наслушал?

– Орков этих эльфы сами не любят. Когда у них между собой драчки случаются, они первым делом орочьих магов выбивают. А то эти ребята много чего учудить могут.

С одной стороны, весь рассказ капитана звучал как байка или сказка, а с другой – разве сама эта война двух, нет, уже четырех, миров – не сказка? С появлением на этой войне орков и гномов, то бишь торков и глеммов, ситуация неприятно изменилась. Такой пакости никто не ожидал. Если к тому моменту тактика и стратегия аталь были просчитаны и освоены вдоль и поперек, то воевать еще с двумя расами пришлось учиться заново. Победное шествие людей было остановлено. Хальер глеммов активнее всего проявлялась во всем, что связано с землей, и передвижение войск стало очень проблемным делом. Возникающие из ниоткуда противотанковые рвы и надолбы были способны остановить любой наступательный порыв. Глубокие ямы под артиллерийскими батареями, зыбучие пески на путях подвоза боеприпасов и продовольствия, непроходимые скалы и камнепады на путях прохождения войсковых колонн – вот далеко не полный список неприятностей, которые халь глеммов доставляли людям. В довершение всего, доспехи тяжелой пехоты глеммов, над которыми поначалу потешались «цивилизованные» военные, оказались пуленепробиваемыми. Теперь, чтобы остановить хорд глеммов, требовались как минимум крупнокалиберные пулеметы.

А торки оказались невероятно быстрыми, и их мобильность порой просто поражала. Основой их шаманства являлось общение с духами, которых они могли найти где угодно, хоть действительно в карандаше. Для людей оказалось неприятным сюрпризом, что дух того же гранатомета при должном обращении (что, к счастью, случалось весьма редко) может если не открыть огонь по своим, то как минимум вывести оружие из строя.

– А что же ты тогда молчишь? – Семен внимательно выслушал капитана.

– А я и не молчу, – пожал плечами тот, – только что я могу по сути доложить-то? У меня пара случаев всего было. Да и то, когда, видно, маг ихний уходил, все опять работать начинало. Я сунулся было к командиру, тот пальцем повертел и выслал меня подальше: за оружием следить надо, говорит. Может, он и прав.

– А может, и правда прав? – поинтересовался Точилюнов.

– Может, и так, – согласился капитан, – только вот за последние месяца два, таких случаев все больше и больше становится. Вы бы присмотрелись, товарищ полковник, может, вам поверят.

Семен внимательнее глянул на упорно не желающий работать гранатомет.

– Присмотрюсь, – пообещал он. – Может, и поверят.

– Можно? – Точилинов приоткрыл дверь кабинета.

– Можно знаешь чего и где? – добродушно отозвался откуда-то из угла кабинета Гермес. – Ты ж военный человек. «Разрешите». Давай, заходи. Что, перестал дуться?

– Да я, собственно, и не дулся, – теплый прием Гермеса как-то неожиданно погрел душу, и Семен вдруг решил: – Просто ты ж сам знаешь, когда не прав, так еще тяжелее сознаваться. Ну балбес, ну бывает. Но не мог я вот так слово свое бросить.

– Да я все понимаю, – Йенсен подошел к столу. – Я тоже не совсем прав был. И вправду, нельзя было тебя так подставлять. Да и никого нельзя. Надо было по-другому решать. Сейчас я уже понял. А тогда я как представил, какой вопль поднимется, что мы его отпустили... У-йю. В общем, прости, неправ был.

Он протянул руку, и Семен с непередаваемым облегчением за нее схватился. Как оказалось, камень этой ссоры был слишком уж тяжелым.

– И ты. Я тоже ерунды всякой наговорил.

Оба счастливо улыбнулись. Пробежавшая между ними кошка благополучно сдохла.

– Так ты чего хотел? – Гермес плюхнулся в кресло и потянулся за сигаретой.

– А, да, собственно... Я на радостях и забыл, – они оба рассмеялись. – Слушай. Не нравится мне, что творится в Экскоре. Я тут полазил по войскам, понюхал. Неладное что-то происходит.

Рассказ занял полчаса. Поначалу все шло само собой, но к концу рассказа Точилинов начал мрачнеть на глазах. Случаи, о которых Семен смог узнать и рассказать, все до одного отдавали нехорошим душком обыкновенных баек. Кроме гранатомета, который он лично не смог починить, ничего более конкретного попросту не было. Семен и сам начал удивляться, чего это его вдруг понесло к Гермесу с таким докладом. Оставалось надеяться, что Гермес не сочтет его полным дураком.

Повезло, не счел. Но радости это не прибавило. Йенсен помрачнел.

– Ты понимаешь, Сема, – терпеливо выслушав весь доклад, протянул он, – тут такая штука получается. Ты и сам к концу рассказа понял, наверное, что очень уж это на обыкновенные армейские байки похоже. В руки взять нечего. Подумаешь, техника отказывает. Да сплошь и рядом это случается. Я-то понимаю, что не просто так ты ко мне с этим заявился, но вот тут два момента есть. Первое. После Каллимо, – он поморщился, – выйти с таким рассказом наверх, это будет как-то... неправильно, что ли. Я и так горя хлебнул. Мне и самоуправство припомнили, и Сорен, и все остальное. Еле отплевался, если честно, да и то, похоже, просто потому, что заменить каждого из нас некем. И тебя вытащила только та история с жучками для контрразведки, не рискнули они совсем уж шашкой махать на тебя. Кстати, ты все свои плюсы оттуда растерял, имей в виду. Так что если я заявлюсь на ковер с рассказом, что полковник Точилинов вот такую штуку тут накопал... Ну ясно, да?

– Да уж, – побряхтел Семен, – некрасиво выйдет.

– Я рад, что ты понимаешь, – наклонил породистую голову Йенсен. – И второе. Вот ты мне все это рассказал. А дальше что? Что конкретно ты хочешь?

– А? – растерянно спросил Точилинов.

Вот где крылась нестыковка. Он чувствовал, что что-то не до конца он проработал, но никак не мог понять, что. Теперь понял.

– Да я и не знаю толком, – почесал он затылок, – я просто накопал вот такое – и пришел к тебе посоветоваться. Может, с остальными поговорить. Или ты по своим каналам забросишь информацию.

– Я заброшу, – пообещал Гермес, – и к твоему рассказу я отнесусь серьезнее, чем показываю. Ты про Каллимо тоже не забывай. Люблю я аталь или не люблю – это мое дело, но то, что он вас отпустил, – это факт. И то, что он тебя предупредил, – это тоже факт. Не похож он на

болтуна. А то, что это все начало случаться в последние два месяца, наводит на размышления. Вот только про два моих момента не забывай, ладно?

– Ладно, – согласился Семен. – Так что делаем?

– Делаем вот что. Ты давай обратно в войска двигай, возьми с собой кого-нибудь, Колобка, что ли, чтобы попытаться перехватить хоть какую информацию. А еще лучше, и Галину. Не кривись, все равно другого телепортиста сейчас нет. А она хоть сможет проследить, не увеличилась ли активность по перемещению между Лепестками. Возьми, – с нажимом повторил он, глядя на брезгливую гримасу Точилинова. – Хоть топорно, но сделает, нам сейчас любое лыко в строку. И – рой. Все, что сможешь по этой теме. Если хоть что-то сможем в руки взять, сразу наверх выйдем. А я оповещу всех по своим каналам, как ты говоришь. Посмотрим, что получится. Давай, двигай.

– Я еще Борю прихватчу? – попросил Семен.

– Идет, – согласился Гермес. – Но учти, если Каллимо был честен, то у тебя недели две, не больше. Нам еще и реагировать надо.

Глава 12

– Галь, а поуютнее места не могла бы ты выбрать для высадки? – перепачканный землей Колобок сел и начал остервенело отплеиваться.

– Пошел ты, скажи спасибо, что сюда доставила, – Галина, как всегда, в ответ на претензию пошла в атаку. – Или ты всё разведаль и всем рассказал, где хорошо, а где нет?

Как ни крути, а – один-ноль. Колобок на самом деле уверял их, что здесь всё тихо. Ан нет. Первое, что они увидели, выйдя из портала, был атакующий Зверь. Желтый. Хорошо, Борис, мгновенно среагировавший, сжег зверюгу прямо в пике, заработав восторженные вопли окружающих бойцов. Боевой дух при виде такого фокуса сразу взлетел на невероятную высоту, и первая волна аталь откатилась обратно. Но останавливаться они сегодня не собирались. Порыв ураганного ветра с той стороны принес не только пыль и ветки, а еще и тучу стрел. Этот фокус аталь освоили сравнительно недавно, и до сих пор он считался самым опасным из арсенала халь. Ветер, который способен вызывать любой ученик, подхватывает стрелы и несет их так далеко, как может. А может он очень и очень далеко. Аталы, как правило, стреляли тремя рядами, каждый из которых выпускал за секунду три стрелы. И вот этот рой стальной смерти, усиленный ураганом ветром, выкашивал солдат так, как не смог бы ни один летучий Зверь. Так что передышка у магов вышла совсем короткая. Не успели толком порадоваться над сожженным Зверем, как пришлось буквально нырять в землю, чтобы спрятаться от Пчелиного Ветра, как называли свой прием аталь. Борис и здесь помог: растянул воздушный щит, насколько получилось. Но в третий раз, похоже, его умение уже не спасало.

– Смотрите, это что? – прервал начинающуюся свару возглас кого-то из бойцов, благо-разумно переместившихся поближе к магам.

Все подняли головы. По небу величаво плыл с десятков грязно-зеленых шаров. Они медленно снижались, и становилось понятно, что точка приземления будет где-то в окопах.

– Сема, это тебе, – прищурился Борис.

Он попытался было всё это сжечь – не вышло. Влажно поблескивая боками, шары и не подумали гореть, продолжая свой неторопливый полет. Семен присмотрелся: да, это и впрямь по его части. Хвостики линий, связывающие псевдожизнь с подпитывающими каналами, просматривались достаточно ясно. Вот только что это? Ни рта, ни лап – ничего. Чем они воевать собрались? Ответ пришел быстро. Первый же шар, ударившись о землю, рассыпался такими же грязно-зелеными брызгами мерзкого вида тварюшек. В полном молчании они брызнули в стороны, и тут же раздались вопли бойцов. Тварюшки, состоящие, похоже, из одних зубов и шипов, цеплялись за тело там, где могли, и начинали бешено вгрызаться. Отчаянная пальба, открытая тут же, видимого эффекта не принесла. Поди-ка попади в тварь размером с кошку. Точилюнов прищурился. «Нет уж, – промелькнуло в голове, – не ваш сегодня день!» Спасибо Каллимо, после того случая с бойцом Семен остервенело начал учиться контролировать созданные им объекты, чтобы больше они не жили своей собственной жизнью. И первое, чему он научился, было умение отрывать от каналов эти самые подпитывающие хвостики, без которых объекты продолжали некоторое время существовать, но полностью лишались возможности двигаться. Вот и сейчас Семен схватился за тонкую, слегка пульсирующую ниточку. «Вот вам!» – злорадно подумал он. И – ничего. Тонкая ниточка обладала прочностью стального троса, Точилюнову ее даже сдвинуть в сторону не удалось. Как будто за дерево схватился и пытаешься его вырвать из земли. Шары тем временем начали снижение. Твари из первого лопнувшего шара и не думали останавливаться, продолжая свое кровавое дело. Что, что делать?.. Не взять их никак. Шары всё приближались и приближались.

– Командир! – заорал Точилюнов. – Кто здесь старший?

– Майор Зырянов, товарищ полковник, – откуда-то из-под локтя вынырнул молодой парень с погонами майора.

– ПЗРК, гранатометы, что молчите? Огонь по этим...

– Не работают, – упавшим голосом доложил майор. – За час перед атакой как раз и обрубил. Ничего не работает. Не можем понять, что случилось. Уж который раз.

Все правильно. Семена потому сюда и направили, что именно здесь в последнее время все чаще отмечались случаи отказа оружия. А чего он ждал? Второй шар уже почти коснулся земли. Бока его ходили ходуном, новая волна тварей рвалась наружу, к теплой крови. И – не сделать ничего. Ну же, хоть за что-нибудь зацепиться. Подпитка не рвется, а что у них еще есть?

– Колобок, – резко повернулся Точилов, – у них связь с халь поддерживается?

– Чего? – моргнул Колобок.

– Того, – раздраженно рубанул воздух ладонью Точилов. – Почему они именно сюда летят? Их же не из пушки выстрелили. Кто-то ведь направил. Посмотри – кто. И как.

Колобок осознанно моргнул, принимая информацию, повернулся на каблуках и тут же сосредоточенно запыхтел, рассматривая создания.

Шар тем временем коснулся земли. Но в этот раз его уже ждали. Как только первые твари брызнули наружу, раздался слаженный залп из всего стрелкового оружия, которое работало. Место посадки накрыло стальной тучей. Полетели ошметки, комья земли.

– Есть, – развернулся Колобок. – Их ведут как на поводках. Поводки тонкие, перед посадкой практически неразличимые. Оборвать, наверное, смогу.

– И чего будет? – поинтересовался до этого момента стоявший недвижимо майор.

– Не знаю, – честно развел руками Колобок, – но чего-нибудь да будет. Всё не так, как с этими.

Тварей из второго шара уцелело значительно меньше, но оставшиеся точно так же начали свое пиршество.

– Давай, – приказал Точилов. – По моей команде рви, сколько сможешь. Три, два, один – давай!

Колобок напрягся и вдруг радостно воспрянул:

– Есть, оборвал. Все оборвал.

– Смотрим, – прищурился Семен.

Полет шаров вдруг стал хаотичным. Ближайшие две штуки перестали снижаться и на той же высоте поплыли куда-то дальше, в тыл людям. Остальные, поколебавшись, отправились за ними.

– Майор, – скомандовал Точилов, – хватай всё, что у тебя не работает, и – за ними. Старайся стрелять. Чует моё сердце, где-нибудь подальше всё заработает. Давай, двигай людей. И оповещай всех, кого встретишь, что это не со дня рождения подарки сбежали.

– Уж постараюсь. Есть, товарищ полковник, – повеселевший майор отдал честь и убежал.

– Дела-а, – Точилов повернулся к бойцам.

Там всё уже заканчивалось. Разными способами, кто как мог, но тварюшек добивали. Раненых оттащивали в сторону, высунувшихся было из своих окопов аталь загнали обратно – внезапно у них не получилось. Можно было перевести дух.

– Дела-а, – Семен достал сигарету, поднес зажигалку Борису и Колобку, Галина помотала головой: мол, не буду, – вот так, на хрен, сходили за хлебушком. Опоздай мы на полчаса, как раз в гости и приехали бы. Повеселились бы заодно.

– Не приехали бы, – неожиданно робко подала голос сидящая на земле Галина, – у нас везде стоят предохранители. Если стакиваемся с хальер чужой, то рисунок не срабатывает.

– И то хлеб, – тихо вздохнул Борис, – а ты молодец, Колобок. Поклон тебе до земли. Я уж думал, и нас накроет.

– Это не мне, – выдохнул дым Колобок, – это к Семену. Если б он не сказал, куда смотреть, я б и не увидел.

– Короче, всем по поклону, – Галина немного отсиделась, и к ней начала возвращаться ее обычная хамоватость, – че делаем-то? Или так и будем сидеть, языками болтать?

– Надо будет – и поболтаем. – нахмурился Семен. Галина поморщилась, но, против обыкновения, смолчала. – Сидим, ждем майора. Если это то, что я думаю, то шары он пожжет. Дождемся, послушаем.

– И?.. – поинтересовался Борис.

– Дождемся, – отрубил Семен.

Майор появился через час.

– Разрешите доложить, товарищ полковник, – лицо его светилось радостью: явно выполнил приказ. Шары он пожжет, оружие, как маг и предсказывал, заработало. Жизнь возвращалась в привычную колею, спина начала опять чувствовать защищенность. Мол, вот вам, паразитам, у нас тоже маги есть, – как вы и сказали, пробовали, пробовали, где-то километров через...

– Шесть, – оглянулся назад Точилинов.

– Так точно, – удивленно восхитился майор. – Как раз через шесть километров, там склады стоят, и сработало. Сначала РПГ заработал, а через пару минут – и ПЗРК. Всё пожгли. Замечательно, надо сказать, горели. Как в тире отстрелялись.

– Угу, – проворчал Семен, совершенно не разделявший майорской радости, – всё ясно. Спасибо, товарищ майор, возвращайтесь к своим обязанностям.

– Как же... – растерялся тот, – может, товарищ полковник... Может, расскажете, что это? А то у нас так постоянно, делать-то чего в следующий раз?

– Не расскажу, – расстроил его Семен, – потому как сам еще не знаю. Так, общие мысли. Нет пока против этого ничего. Потому и приехали к вам. Вечером подойдите, расскажете, чего тут у вас постоянно происходит. Там посмотрим.

Когда обиженный, поминутно оглядывающийся майор ушел, к Семену повернулся Борис:

– Ты чего? Понял, что происходит?

– Если я не ошибаюсь, жопа происходит, – Семен мрачнел на глазах, – почему через шесть километров начало оружие работать, понятно?

– Радиус действия узора, – догадался Колобок.

– Именно.

– И – выводы?

– Какие тут выводы. Статистики кот наплакал. Смотреть надо, считать. Ой-е, как мне всё это не нравится, – Точилинов поднялся и начал разминать затекшие ноги, – ладно, пошли устраиваться, вечером еще с майором поговорим. А завтра дальше двинемся.

Три дня прошли в напряженной работе. Точилинов вызывал к себе всех, кто мог хоть что-то сказать по теме. Пришлось просить приехать и соседей – у них такая же история началась. Вообще, Семен понял, что подобного рода случаи начали происходить уже довольно давно, просто никто не удосужился посмотреть на это пристальней, да и командиры не горели желанием каждый раз докладывать о неисправном оружии, чай, по головке-то не поглядят за бардак. Вот и крутился дальше порочный круг. Настроение у Семена портилось прямо на глазах, поэтому, когда вечером к нему, вышедшему покурить, подсел Борис, явно озадаченный чем-то, он даже не стал вникать глубоко в проблему.

– Слушай, – озабоченно почесал кончик носа Борис, – это, может, и глупость, но что-то мне Галина перестала нравиться.

– А ты до этого ее нежно любил, что ли? – коротко хохотнул Семен.

– Души не чаял, – поморщился Борис. – Нет, ты знаешь, она молчит.

– И правда беда случилась, – проворчал Точилинов. – Галина – и молчит. Хотя лично я совершенно не против, мне еще ее комментариев не хватало.

– Да я не про это. Она все время молчит, записывает каждый случай, и вообще, как-то отстраненно ко всему относится. Если б над нами не Гермес стоял, я б посчитал, что она стучать готовится.

– Кому? – отмахнулся Семен. – Ты правильно сказал: кому она, кроме Гермеса, может настучать? Не пори ерунду. Да и что она может доложить, о чем стучать-то? Проблема? Так мы и так над ней работаем. Да и не сформулировать ее пока никак. Брось, не забивай себе голову. Ты лучше посмотри, что получается. Карту смотрел?

– Не смотрел, позже, – Борис потянулся, – а Галину я бы рекомендовал оставить на базе, когда вернемся.

– Да она и сама останется. Применения ей здесь никакого, толку, соответственно, тоже. Уймись. Пошли, – Семен поднялся, – покажу, что получается, если на карту нанести все случаи отказов и систематизировать их по категориям оружия.

Глава 13

Галина и вправду легко согласилась остаться на базе. Занятый неожиданно открывшейся картиной Семен даже не стал тратить время на недовольное ворчание Бориса. Он коротко связался с Гермесом, которого унесло во Францию, изложил предварительные выводы – и умчался опять в войска. Вернулся он через неделю, переполненный информацией. Общая картина вырисовывалась достаточно четко. И картина эта могла расстроить любого. Точилина, во всяком случае, она расстроила. Гермес немедленно вызвал его к себе, и, судя по его лицу, его новости были ничуть не радужнее.

– Ты, часом, ничего по моей тематике от смежников не притащил? – настороженно поинтересовался Семен. – А то у тебя лицо как у меня. Но я то хоть понимаю, в какую задницу мы идем, а ты-то чего?

– Я-то? – Йенсен хмуро посмотрел на Точилина. – Я-то тоже понимаю, но вот проблема, которая свалилась, она и тебе «оптимизма» может прибавить. Рассказывай сначала ты.

– Куда уж дальше? – вздохнул Точилин. – А накопал я вот чего...

Больше всего это смахивало на отработку нового оружия. В данном случае – магического. По всей линии фронта (русского, понятно, – дальше Семен не забирался) имели место подобные случаи. Несколько месяцев назад то там то здесь начало отказывать оружие. По разным причинам наверх об этом не докладывалось, и если бы Точилин тогда сам с этим гранатометом не завязался, то и дальше бы все молчали. Ну подумаешь, случилось – так потом же опять заработало. И только в последние дней двадцать отказы оружия начали сопровождаться массивными атаками с применением ранее неизвестных магических узоров. Сами по себе эти узоры серьезной опасности не представляли, но вкупе с временным отсутствием адекватного оружия они заставляли посмотреть на происходящее иначе. Как с теми же шарами. Если бы ПЗРК работали, так грош им была бы цена: пожгли бы еще над позициями аталь. Но вот не пожгли же...

– И еще смотри, что получается. Они как умно делают: прошла атака, народ они покروшили. И всё. Дальше не идут. Если бы они наступление начали, то тут уж все бы зашевелились. Применение новой тактики, проигрываем и так далее. А они останавливаются – и проблема становится локальной. Конечно, долго бы они так не смогли развлекаться, кто-нибудь в итоге доложил бы куда следует – и до нас бы дошло. Но если вспомнить Каллимо, то очень хочется попу свою куда-нибудь в безопасное место засунуть. Если они наработали узор, который блокирует наше оружие, то это, ммм, как бы это поточнее сказать. Во, «катастрофа» – самое точное слово.

– Шутник ты, я посмотрю, – Гермес не повелся на псевдоигривый тон. – А теперь меня послушай. Мадмуазель Сорен сотоварищи, – он сидя отвесил поклон отсутствующим, – под моим чутким руководством все-таки добились тему.

Он поднял голову, и в его глазах засветилась гордость:

– Мы сделали портал на полкилометра.

– Ух ты! – подпрыгнул Семен. – Так это же победа.

– И да и нет, – гордость погасла, уступив место горечи. – Теперь осталось, чтобы он заработал.

Семен не зря подпрыгнул. Это на самом деле была самая настоящая победа.

Война в Зеленом Лепестке с самого начала велась только стрелковым оружием. В порталы, создаваемые по образу того самого, первого, могли пройти только два солдата – тесно в ряд. И всё. Телепортисты головы сломали, пытаясь расширить портал. Никак. Ни миллиметра больше, вот уж удружили первооткрыватели. Открыть двадцать штук один рядом с другим – пожалуйста, а один большой – ни-ни. Ни о какой артиллерии, авиации – вообще о более или

менее крупной технике речь не шла. Минометы и безоткатки – максимум. Из механизации – только мотоциклы. Собственно, поэтому только аталь до сих пор и держались. Сколько молитв в войсках произносилось хотя бы об одном вертолете. А тут такой подарок.

– Да вы... Даже не знаю как вас назвать! Вы ж гении! Кранты теперь аталь. Торвальд, это же победа! Самая настоящая победа! Подожди, а что значит «осталось, чтобы он заработал»? Вы его сделали или нет?

– Сделали, – закричал Йенсен, – сделали. И сразу туда пару танков засунули.

– И-и что?

– И ничего. Не работают они. Первый поехал и заглох. А второй прямо в портале накрылся, – он с силой провел руками по волосам.

– Это всё? – осторожно спросил Семен. Что-то ему подсказывало, что проблема гораздо глубже.

– Нет, – Гермес нервно выдернул сигарету из пачки. Видно было, что до этого он держался при подчиненных, а с Семеном его отпустило – и очень хотелось выговориться. – Это не всё. Портал мы не удержали.

– Оп-па, – тихо произнес Точилинов. – И что?

– Танк напололам. Передняя часть там осталась, а задняя, где бензобаки, – у нас.

– Сколько пострадавших? – мгновенно все понял Семен.

– Двое обожженных, тяжело. Еще восемь контужены.

– Торвальд, – Точилинов попытался заглянуть Гермесу в глаза, – это эксперимент. Это неизбежно. Сколько таких случаев. Все знают, на что идут. И наверху все должны понимать. Плохо, конечно, но это война. Или, – он споткнулся, – что с Сорен?

– С ней все в порядке, слава богу, – Йенсен сломал так и не зажженную сигарету. – Черт бы побрал этого Каллимо, аталь и всех их вместе взятых.

Видеть ироничного, аристократичного, всегда уверенного в себе Гермеса в таком состоянии было очень непривычно. И неудобно.

– Да что случилось-то, ты скажешь или нет?

– Сегодня утром меня вызвали на ковер, – Гермес справился с собой и стал говорить четко, сухо и по делу, – и показали докладную записку, в которой описываются многочисленные случаи отказа вооружений в частях. И твоя командировка, целью которой являлся сбор информации по этой теме, – он помолчал, – и отсутствие выводов и предупреждений.

– И чего? – не понял Семен. Тут его вдруг переключило почему-то.

– Того. Имеющие уже три месяца место случаи отказа оружия. Наши разработки этой темы. И открытый портал, в котором отказывают двигатели у танков. Двое тяжелораненых и восемь контузий среди приемной комиссии. Дальше продолжать?

– Твою мать... – выругался Семен. – Подожди. Ты ж сам говорил, что докладывать-то? Байки и сплетни? Более или менее внятная информация только сейчас появилась.

– Как видишь, – Гермес прищурился, – не сейчас, а несколько дней назад.

– И чего? – Точилинов в упор не понимал логики обвинения. – Всего две недели работы. Всё сыро как не знаю что. Сплошные гипотезы и попытки систематизировать географические данные. Мы, конечно, маги, но не волшебники из сказок. Вот так быстро все понять и проработать – это задача для сказочных персонажей, с жизнью, извините, не стыкуется. Это даже человек не связанный с нашей тематикой за три минуты поймет. Только перемещения по войскам дней десять заняли. Две недели, – фыркнул он, – где это видано?!

– А разведанные, полученные в ходе допроса пленного аталь Каллимо, были представлены начальнику УПМ МО РФ генерал-майору Йенсену еще три месяца назад. Упомянутый Каллимо, кстати, каким-то образом во время проведения спецоперации в Зеленом Лепестке скрылся. Предположительно, с помощью одного из сотрудников УПМ, – вкрадчиво пропел Йенсен. – Теперь яснее становится?

– Ма-ма, – по слогам прошептал Семен, обмякнув в кресле. – Ой, мамочка. Контрразведка, как минимум. Подожди... Но это же... Слушай, это же бред какой-то.

Его сбивчивое бормотание практически сразу заглохло. Ошеломленный, он уставился на Гермеса.

– Понял теперь? – Гермес уже не дурачился. – Если смотреть только на документ, то нас с тобой прямо сейчас можно брать и к стенке ставить.

– Слушай, а откуда они узнали-то про Каллимо и его предупреждение. Я ж никому не говорил. Знают только ты, Сорен, Борис, Колобок и... – он запнулся.

– И? – подтолкнул его Гермес. – Продолжай, продолжай.

– Только не это! – вытаращил глаза Семен. – Нет! Это ты всё придумал! Я говорил тебе, что ее нельзя было брать! Тварь! Гнида паршивая!

– Я придумал, я, – устало подтвердил Гермес. – Сейчас-то уже нет разницы, кто и в чем виноват.

Он закрыл лицо руками. Но буквально на полсекунды. В обычной своей манере, он тут же отнял их, взялся за ручки кресла, и перед Точилиновым опять оказался уверенный в себе, чуть ироничный командир.

– Ладно, это всё лирика. Если наша уважаемая Галина думает, что одним письмом, хоть и очень грамотно написанным и очень вовремя поданным, она может вот так запросто избавиться от всего своего руководства, то она глубоко заблуждается. Тем более что не очень понятно, чего она добивается, – после тебя и меня идет по должности и званию Борис, но никак не она. Ей пол-управления выгнать надо, чтобы наверх забраться. Кем она командовать будет?

– Я так думаю, она найдет, – утешил Семен, – чтобы такую кашу заварить, это очень хорошо подумать прежде надо. Я, конечно, весьма невысокого мнения о ее интеллекте, но на откровенную идиотку она не похожа, чтобы запросто эдакую волну поднимать. Что-то да придумала. Ты, кстати, придумал, что с ней делать после всего этого?

Он повертел пальцем в воздухе.

– Придумал, – зло оскалился Гермес, – только это отдельный разговор, к тебе никакого отношения не имеющих.

– А напрасно, – Точилинов зеркально вернул оскал Йенсену, – я бы с удовольствием поучаствовал...

– Остынь, – посоветовал Гермес, – с самой Галиной воевать не придется. Вот еще, руки пачкать. Мне интересны те, кто ее в зад подталкивает. Непохоже, все-таки, что она сама это все придумала. Так что мне будет чем заняться в ближайшее время.

Он встал, прошелся по кабинету и остановился возле окна, невидящим взглядом рассматривая что-то за стеклом. Карандаш, который он захватил со стола, порхал между пальцами. Гермес, похоже, его не замечал.

– Ну почему люди не могут жить спокойно? – негромко спросил он.

Семен промолчал – вопрос не подразумевал ответа. Йенсен молча крутил карандаш.

– А?.. – Семен вопросительно поднял брови.

– Потому что все они... – одновременно с ним начал Гермес. – Извини, что ты хотел сказать?

– Да нет, ничего.

– Нет-нет, продолжай.

Период горечи, как обычно у Гермеса, промелькнул и исчез. Йенсен опять стал генерал-майором.

– Я просто хотел предложить все же провести пару проверок ее деятельности. Мало ли что сможем накопать.

– Не надо. Галина мелкая сошка, разговаривать нужно с другими. И искать других, – он хищно прищурился и сжал кулак, карандаш треснул. – А тебе, повторяю, этим голову забивать незачем.

– Мелкая мошка может очень больно укусить, – пробормотал Точилов, – особенно если она ядовитая.

– Не надо, – с нажимом повторил Гермес, – извини, но личные счета придется отложить на потом.

Семен поднял раскрытые ладони, капитулируя:

– Согласен. Черт да с ней. Так какой у нас план?

– План? – переспросил Йенсен.

– Ну да, план. Ты хотел что-то рассказать.

– Хотел? А-а, да, хотел. А хотел я вот что... Ты чего смеешься? – недоуменно посмотрел он на улыбающегося во весь рот Семена.

А тому вдруг стало весело. Совершенно неоправданно и абсолютно безответственно весело:

– Да просто приятно смотреть на человека, у которого всё продумано и план есть. А то – «беда, беда». Что, первый раз, что ли?

– Да иди ты... – выругался Йенсен. – Тут восемь топоров над головой висит, а ему весело, посмотрите на него.

И сам расхохотался:

– Вот паразит, нет чтобы дельного чего предложить, он ржет как лошадь.

Точилов вытер наворачившиеся слезы.

– Когда висишь над вонючей задницей, лучше посмеяться – на выдохе вонь не чувствуется, – наставительно произнес он. – Давай излагай, что делаем?

– Делаешь, – уточнил Гермес. – Задача следующая...

Глава 14

«Интернационал, блин», – выругался про себя Семен, наблюдая за копошащимися вокруг походных костров магами. Магами, учеными, военными – кто их разберет? Все смешалось в этой дурацкой войне. Назвать магами этих людей, каждый из которых обладал какими-то экстраспособностями, можно было без сомнений. Тем более, здесь, в Зеленом Лепестке, где магия как явление присутствовала. Учеными? Не очень похоже, хотя тоже можно, наверное, – все-таки всем им пришлось строить с нуля какую-то теорию. Военными? Вот это – не смешите. Как раз военных-то тут было кот наплакал. Реально – двое: сам Точилюнов да Борис. Остальные, хоть и числились в распоряжении Вооруженных Сил разных стран и носили какие-то звания, но понятие о воинской службе имели весьма отдаленное. Военные же своих кадровых сотрудников по какому-то там запросу ООН, пусть и срочному, не отдали. Хотя Гермесу и так можно поаплодировать. За сутки, пока сверху не успели спустить никакого ограничивающего приказа, собрать такую кофлю из почти сорока магов разных стран по каналам ООН – это, знаете ли, под силу далеко не каждому. Семен себе вообще слабо представлял, кому это под силу. А вот Гермес – смог. При этом магов он получил далеко не последнего разбора. Пусть не кадровых военных, как они с Борисом, но никак не из второй половины списка. Нормальных магов, занимающихся каждый своим направлением.

Главная прелесть заключалась в формулировке этого выездного симпозиума. «Исследование новых магических формул, применяемых противником в отношении вооружения». Основанием для «командировки» указали доклад самого Гермеса, в котором он указывал на необычную активность халь в отношении предмета исследования. А за дату, указанную на докладе, Гермесу хотелось поаплодировать еще раз. Три дня после «бегства» Каллимо. Как он умудрился это сварганить, уму непостижимо.

Теперь Точилюнову оставалось всего лишь еще раз (теперь уже совершенно официально, по завершении командировки) представить свои выводы относительно всех случаев немотивированного отказа оружия. А пока всем тридцати восьми магам, представляющим двадцать одну страну мира, представилась редкая возможность попрактиковаться в своем умении – просто так, без конкретной цели. Да и просто пообщаться с коллегами по цеху. Когда еще удастся. Вроде все хорошо, но царапали душу Семену два момента.

Во-первых, армейскую составляющую полковника Точилюнова просто корбило при взгляде на тот бардак, который устроили маги-ученые. Ни охранения, ни маскировки, ни элементарного порядка – ничего. Вспышки от магических узоров видны за несколько километров. Шум невообразимый – как они втридцатером умудряются так орать? Система оповещения и близко не запущена. Жуть, в общем.

Благо Гермес подсутился – и Точилюнова назначили в этом курятнике старшим. Формально-то тема исследования его. А те, кто решил, что это формальностью и останется, глупо ошиблись. Семен развернулся во всю ширь истосковавшейся по Уставу души. Французам, специалистам по раннему предупреждению магических ударов, он навтыкал так, что те за час соорудили более чем приличную сигнализацию. Медиков – немцев с датчанами и одного американца – он отправил в полевой госпиталь, пользоваться раненых. Фортификаторы занялись передним краем как своим – на предмет укрепить, так и чужим – на предмет чего испортить. Остальных тоже не обошел вниманием. В итоге каждый был засунут по принадлежности, включая телепортистов, к которым после Галины Семен испытывал особую «любовь». И только Борис с коллегой из Греции остались сидеть с обескураженным и расстроенным видом – их применить оказалось некуда. Но все это на самом деле было второй проблемой. А о первой ему пришел рассказывать аж целый командир дивизии.

– Стена появилась три дня назад, – высокий, грузный генерал-майор с благородной проседью в темных волосах вколачивал слова как гвозди – громко и резко. – Выяснить, что происходит, не удалось. Разведка попыталась пробраться – не получилось. Не пропускает она никого и ничего. Ни камень забросить, ни мыши проскочить. Три дня подряд ходят – без толку. У противника – тишина. Перемещений минимум, что происходит – не посмотреть, как через дым все видится. Раньше с таким не сталкивались.

Стена действительно имела. Борис (практики ради, все равно же видно, что маги здесь) решил отправить к аталь пару боевых узоров – поглядеть, что будет. Где-то посередине между позициями людей и аталь узоры на нее и наткнулись. И исчезли. Как не было. Борис завелся, но так ничего и не смог добиться. А вот теперь, после долгих бесплодных попыток, они слушали комдива.

– Если честно, мне это вообще не нравится. Вы приехали про оружие узнать? Доложу, что в последнее время оно вообще как с ума сошло. Одно за одним отказывает. Без системы и логики абсолютно. То пистолеты заклинит, то винтовки у снайперов откажут. То один пулемет сломается, а то вдруг вообще все автоматы умрут. Если б они в атаку пошли, не знаю, удержались бы мы тут или нет. Вряд ли. Так что, товарищи маги, очень вы вовремя появились.

Семен слушал, а в душе у него все переворачивалось. Любой на его месте сделал бы однозначный вывод.

– А сами вы, товарищ генерал-майор, извините, что перебиваю, – бесцеремонно вклинился в повествование комдива Точилов, – сами вы что думаете по поводу всего этого?

Комдив нахмурился:

– Тут и думать нечего. Готовят они что-то, как пить дать. Там, за стеной, идет передислокация. Я доложил наверх, пока ничего мне не сказали. У соседей ничего подобного, хотя оружие так же отказывает, хоть и не с той интенсивностью. И тоже в последние несколько дней ситуация ухудшилась. По всем видам проходятся. Что у союзников – даже не представляю, с ними контакт сами знаете какой.

– А кто ближайший по расстоянию? – подал голос Борис.

– Сто километров – французский контингент. Только связываться с ними приходится аж через Землю, да и запросы иногда по месяцу ходят. Пока они там через генштабы свяжутся... На бумаге всё здорово нарисовали – военные атташе, офицеры связи и все такое, коммуникация на счет «раз». А на деле... – он махнул рукой. – Короче, без толку всё это.

– Я подергаю коммуникаторов, – поднялся Борис, – они как раз французы. Может, у них побыстрее получится?

– Сядь, – остановил его Семен. – Успеешь. Спешить и правда без толку. Если у них то же самое, то они, как и мы, ничего не понимают. А если бы чего раскопали, Гермес бы давно все знал и сообщил. Тем более, от французов-то... – он невесело ухмыльнулся. – Потом подергаешь. Сейчас понять надо: что будем делать мы.

Обсуждение плана предстоящих мероприятий заняло два часа. Когда же комдив отбыл, растворившись в вечерних сумерках, Точилов не стал торопиться в лагерь, а уселся в сторонке и стал наблюдать за веселым мельтешением, царящим вокруг костров. Дневные дела закончились, и маги-ученые, естественно, начали веселую подготовку к предстоящему вечеру. Почти сорок человек, вырвавшиеся из скуки монотонной работы. Начальства, считай, никакого, ну чего там Семен, кроме повседневных задач, проконтролирует? Горящих проблем – тоже. Отпуск! Вот народ и начал демонстрировать национальный колорит. А чего? Весело. «Хорошо хоть одни мужики подобрались, – порадовался про себя Семен. – Если б им еще и пару баб сюда...» Точилов аж зажмурился:

– Ой, караул!

– Чего случилось? Где караул? – Рядом на землю плюхнулся Борис. Неподалеку обрелся его греческий коллега. (Семен никак не мог запомнить, как его зовут. Лупа... Липус... Короче, «лопусосос» какой-то)

– Да ничего, – отмахнулся он, – я просто наблюдаю, как народ развлекается, вон смотри, уже где-то бухла накопили, – два мага тащили через лагерь большой, подозрительно позвякивающий ящик. – И на секунду представил, что с этим бардаком случилось бы, если б сюда еще парочку дам прибавить. У чехов, я помню, парочка хохотушек была, итальянки вроде. И мадмуазель Сорен до кучи.

– Ну, насчет мадмуазель Сорен можно не беспокоиться. Про Гермеса уже практически все в курсе. С ним-то шутки плохи: враз превратит в какую-нибудь лягушку.

– Не переживай, – ухмыльнулся Семен. – Насчет превратить – это больше ко мне, Гермес по другой части.

– А можешь? – в притворном ужасе отодвинулся Борис.

– Не-а, – разочаровал его Точилов, – про превращения ты, это, лучше русские народные сказки почитай, там методические рекомендации все даны, а я еще не волшебник, так, учусь просто.

– Э-эх, – так же притворно расстроился Борис, – а я то уж думал... Да, а про девушек, кстати, очень неплохая идея, надо покумекать.

– Я вот те покумекаю. И так головной боли выше крыши. Нет, я балдею, вот у народа голова ни о чем не болит. У них перед носом висит большая задница, – он указал в сторону аталь, – а никто и в ус не дует. Вечеринку им подавай, девушек. Все им смехреновочки да псевдоханьки. Ничего, что тут беда со дня на день начнется, а мы и близко не представляем, что делать?

– А чего ты сейчас можешь сделать? – резонно заметил Борис. – Всё проговорено, планы намечены, завтра займемся. Чего еще? Ты предлагаешь сидеть с постными мордами и всю ночь на аталь любоваться? Тем более что и не видно ни черта. Дай людям отдохнуть. Они и так весь день честно пахали с твоей подачи.

Точилов открыл рот, подумал – и закрыл его. Борис был прав. Но сдаваться без боя не хотелось:

– Физическую безопасность кто обеспечивает?

– Уймись, – рассмеялся Борис. – Я только от них, вон идет капитан, тебя ищет. Заодно всё и расскажет. И давай, пообщайся и присоединяйся. А то когда еще получится в следующий-то раз. Случаи разные бывают.

Он поднялся и пошел, поманив с собой грека. Тот поплелся как привязанный. Точилов только поморщился им вслед. Не то чтобы он был очень суеверным, но вот такие объявления насчет «мало ли что может случиться», да еще перед такими проблемами, как у них, он активно не любил.

– Разрешите, товарищ полковник? – Подошедший здоровяк с симпатичным открытым лицом, украшенным, правда, небольшим шрамом через скулу, отдал честь. – Капитан Агатьев, дивизионная разведка. Товарищ генерал-майор передал в ваше распоряжение два взвода. Я старший. Один взвод тут, неподалеку. Второй еще утром ушел туда, к стене, завтра вернется и, если ничего не произойдет, присоединится.

– Еще один, – покривился Семен.

– Виноват, товарищ полковник? – не понял капитан.

– Да не люблю я эти карканья. Только что один тут перед тобой тоже... «Случаи разные бывают». Теперь вот ты еще: «Если ничего не произойдет». Лишнее это.

– Виноват, товарищ полковник, – повторил капитан, уже с утвердительной интонацией.

– Да ни в чем ты не виноват, – вздохнул Семен. – Просто не нравится мне это все, что тут у вас происходит. Ладно, и вправду завтра начнем разбираться, – согласился он с ушедшим

Борисом. И вернулся к капитану: – Я тебя вот о чем попрошу. Случаи на самом деле бывают разные, так что вы далеко от нас не уходите. Спать в снаряжении, готовность номер один. Все ясно?

– Так точно, – бодро откозырял капитан. – Разрешите вопрос. А вы ждете чего-нибудь?

Он мотнул головой в сторону аталь.

– Ничего конкретного, к сожалению, – развел руками Семен. – Считаю, предчувствие и перестраховка. Но, сам знаешь, в нашем деле лучше перебдеть. Завтра в десять ноль-ноль ко мне. Будем общаться.

– Есть, – вытянулся во фрунт капитан. – Разрешите идти?

– Идите, – отпустил его Точилинов. А сам побряхтел-побряхтел, потом встал и, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, пошел в сторону набирающего обороты веселья в лагере. «И правда, – решил он, – чего сейчас нервы зря тратить. Завтра и начнем разбираться»

Но жизнь действительно оказалась штукой сложной.

Когда в сереньких утренних сумерках полог палатки отлетел в сторону, и на Семена глянули два безумных глаза Бориса: «Семен, тревога!!! Аталь идут!!!» – первое, что промелькнуло у него в голове: «Все-таки сглазили, паразиты».

Глава 15

Красный Зверь вырисовывал петли в воздухе. Держать таким образом эту зверюгу – это дорогого стоило. Гораздо проще отпустить его: пусть сам со всем справляется. Но аталь показывали совсем другое. Теперь-то уж Точилинов это понимал. Людям наглядно демонстрировали превосходство. Хотя чего там демонстрировать? Трех на-халь за глаза и за уши на всех хватит, а тут их вон сколько. Но кольцо аталь недвижимо стояло по краям оврага. Чего они ждут?

Да ладно, чего бы ни ждали, нам сейчас каждое лыко в строку пойдет. Семен опять глянул на телепортистов. Всё понятно: их сейчас ну никак нельзя трогать. Не мешать ни в коем случае. Но Точилинов физически не мог стоять и просто смотреть, как презрительно улыбаются эти «высшие».

– Джузеппе.

Ноль реакции, итальянец смотрел прямо перед собой, что-то соображая. Ну, дай бог, чтобы сообразил.

– Ляо Юй.

С китайцем было сложнее. Он держался руками за голову, и казалось, уже ничто его не волновало.

– Делайте что-нибудь. Черт вас побери, – впервые у Точилинова прорезались панические нотки.

– Нечего, – китаец вынырнул из прострации, найдя кому слить кипящее внутри. – И мы не вспоминаем, и они, – кивок в сторону аталь, – всё заблокировали. Всё. Нам не уйти.

– Ничего не всё! – Ничто так не раздражает, как опускание рук. Всё можно переделать и исправить, но когда сам себе сказал «всё», тут уж точно конец. – Как нам отсюда можно выбраться?

– Я же сказал – никак, – голос китайца упал до шепота. – Только разве что нас кто-нибудь или что-нибудь вытянет.

– Да! – Джузеппе что-то все-таки сообразил. – Помнишь, тот разрисованный говорил? Третье соцветие на диагональном смещении? Помнишь? Подсос энергии?

– Нет! – Китаец отпрыгнул. – Нельзя. Все, кто был, говорили – нельзя. Мы пробовали, группа исчезла, нет никого...

Семен решил было направить мышление китайца в правильное русло, но нужды не оказалось. Строцци схватил шуплого азиата за грудки и начал что-то настолько экспрессивно доказывать, что голова на тонкой шее замоталась в стороны, как воздушный шарик на веревочке. Точилинов секунд тридцать вслушивался, потом все-таки вмешался:

– Полковник Се Ляо Юй. Выбора все равно нет. Здесь мы уже трупы, причем трупы – это еще не самый плохой выход. Они нас на куски порежут. А что нас там, не знаю уж где, ждет – еще неизвестно. Хуже точно не будет.

Он заглянул в раскосые черные глаза:

– Ляо Юй, давай, нам все равно конец. Вперед.

Китаец, как во сне, медленно пошел к рунам. Семен поднял глаза вверх. Туда, где в окружении многочисленной свиты стоял Каллимо. Он встретился глазами с бывшим пленником. Аталль улыбался. Странно, но теперь в его улыбке не было презрения. Ни капли. Он просто стоял и улыбался, как улыбаются старому знакомому, случайно встреченному на улице. Семен так ждал вот такой улыбки, и так разочаровался, не увидев ее, что сейчас она вдруг вызвала прилив просто невероятной злости. «Не дождетесь, суки. Живым не дамся», – прошептал он. И, вытянув вперед и вверх правую руку, левой отмерил бесстрастно смотрящим аталь, сколько им причитается от будущего облома. Получилось по плечо.

А Каллимо вдруг перестал улыбаться. Медленно-медленно, чужим движением, он потянул правую ладонь к виску, отдавая честь на манер людей. И Семен понял. Он возвращал людям те самые четыре минуты, которые у них забрал кто-то из передовых частей там, после освобождения французов, начав погоню раньше. Тен-галь Каллимо держал слово.

Красный Зверь, развернувшись в нижней точке, снова начал набор высоты, изматывая душу режущим воем. Но это было последними мгновениями. Четыре минуты давнего договора истекали. Точилинов развернулся:

– Джузеппе!

– Нет, – итальянец сидел на земле, сгребая горстями землю в кучки. Он отдал всё что мог. На большее сил не осталось. – Я уже не могу. Его спрашивайте.

Семен перевел взгляд на китайца. Тот танцевал какой-то ритуальный танец. Черкнул на земле пару линий, отпрыгнул и присмотрелся. Еще черкнул, еще отпрыгнул.

– Ну?!

Ляо Юй повернул к Точилинову мертвенно-бледное лицо, Семен и предположить не мог, что желтоватая кожа может приобрести такой оттенок.

– Я не могу, – драматичным шепотом начал китаец. – Я боюсь. Я не знаю, что там, как там. Я не знаю, есть ли там вообще что-то. Я не могу.

– Нам все равно не жить! – сорвался наконец Точилинов. – Ты понимаешь?! Все равно смерть! Нам туда надо!

– Нет, – мотал головой китаец. – Я не могу. Я боюсь.

– Рисуй!

– Нет!

– Да, дьявол тебя раздери, да! – раздался с земли вопль Строцци. – Сколько можно уже? Я тоже боюсь. Все боятся. Но нельзя им так нас отдавать. Посмотри, все тебя ждут.

Китаец оглянулся. Вся группа, не мигая и не дыша, стояла и смотрела, чем кончится разговор. Се Ляо Юй всмотрелся в глаза людей. Никто не хотел к аталь.

Ш-штух. Ш-штух. Ш-штух. Три стрелы воткнулись в землю рядом с первой. Последнее предупреждение.

Красный Зверь в небе развернулся на боевой заход. Время кончилось.

И вот тут нервы у китайца все-таки не выдержали. Проорав тонким голосом что-то про «цзибадань», он выскочил прямо на написанные руны, схватил стрелу и прямо ею начал дописывать формулу.

Звонкий крик «Юто-о-онь» разнесся над оврагом. Аталы, и стрелки, и халь, замерли. Стихло всё. Ни звука не нарушало торжественную тишину. Только Ляо Юй пыхтел, дописывая формулу. Семен, оторвавшись от магнетизма ситуации, выставил воздушный щит. Единственное, что умел. И сам устыдился. Настолько немощно и жалко смотрелся он на фоне той мощи, которая ждала приказа, чтобы обрушиться на них.

И посреди предапокалиптической тишины вдруг раздался хриплый голос:

– Цзо ла, – китаец повернулся к остальным: – Сделал, я сделал.

Руны ожили. Польшнув светом, открылся портал, правда, совсем не такой, какой все привыкли видеть, переходя с Земли в Зеленый Лепесток. Прямо на земле образовался круг мутно-зеленого цвета, из этого круга поднялась студенистая масса, формой напоминающая медузу. Уже ничему не удивляющиеся и приготовившиеся к самому худшему люди молча наблюдали за происходящим. А масса меж тем начала слегка поворачиваться вокруг своей оси, как бы приплюсываясь. Неожиданно она поднялась на несколько метров вверх и, не обращая никакого внимания на людей, начала втягивать в себя молнии, бьющие вокруг. Количество молний резко сократилось. Красный Зверь, пронзительно закричав, свечой рванул вверх, набирая высоту. Аталы заверещали что-то на своем птичьем языке и тоже порскнули прочь от обрыва.

Семен, очнувшись от созерцания грядущей кончины, со всей силы двинул локтем в бок капитана.

– Туда! – показывая на круг, крикнул он. Капитан все понял. И в два голоса, не стовариваясь, но, произвольно подбирая одни и те же выражения, они заорали:

– Вперед, мать вашу, вперед, в круг, бегом, бегом, БЕГОМ!!!

Группа рванула к мерцающему кругу. Задумываться о том, куда он ведет, даже не стали. Всяко лучше, чем здесь. Здесь всё равно найдут, даже если от погони и от новой твари удастся уйти сейчас. А когда найдут, то, скорее всего, выяснится, что лучше бы они тут и остались. Поэтому выбора нет.

Выпрыгнув по ту сторону прохода на какой-то болотистой местности, ученые оторопело наблюдали сквозь открытый портал, как «медуза» играючи справляется со всеми арканами, наведенными вокруг прежнего места их дислокации. И пришла мысль: «А ведь она потом сюда вернется». Семен долго не раздумывал:

– Капитан, портал уничтожь!

Находясь в здравом уме, тот, наверное, поинтересовался бы, как это сделать не оставшись там самому. Но, пребывая в состоянии близком к шоку, он, услышав приказ, просто сдернул с плеча неработающий автомат и рефлекторно дал длинную очередь по написанным формулам. Ага, а здесь магия аталь не работала. Пули вспороли черную вязь, нарушая структуру, поддерживавшую портал. Круг погас и захлопнулся. «Медуза» осталась в подарок аталь.

Глава 16

Ноги вязли в жидкой болотной грязи по щиколотку. Вокруг, сколько хватало глаз, простирался одинаковый пейзаж. Болота, болота и болота. Легкий туман и полное безветрие.

– А мы где? – умно спросил Гюнтер Гельц, немецкий специалист по фортификации.

– В жопе, Гюги, в жопе, – американец Гарри Паркер и в нормальной-то жизни не страдал избытком воспитания, а уж в стрессовой ситуации его просто понесло. Весело похихикивая, он нагнулся, зачерпнул грязи и, демонстрируя всем вокруг на вытянутой руке, заявил:

– Не очень-то похоже на матушку-Землю. Да, не похоже. – И вдруг заорал: – Мы все здесь в жопе.

Капитан разведчиков Саша Агатъев посмотрел на одного из бойцов, мотнул головой в сторону американца:

– Вася, вразуми.

Огромный, как медведь, Вася подошел к бьющемуся в истерике Гарри и, недолго думая, залепил ему по уху. Янки отлетел метра на полтора и приземлился лицом в грязь. Вася обвел взглядом оставшихся ученых, пребывавших в состоянии весьма близком к американскому, и поинтересовался:

– Может, еще кому не по себе? Так сейчас успокоимся.

Всем резко стало по себе.

Точилинов, в который раз порадовавшийся присутствию военных с их пофигистическим взглядом на жизнь, похлопал к американцу, по пути заметив:

– Очень приятно, Вася, работать с настоящим мастером психологии, – и весело подмигнул.

Вася в ответ так же весело прищурился и молча повел могучими плечами, мол, всегда пожалуйста.

– Поднимайся, Гарри, – Точилинов протянул руку.

Немаленький американец принял помощь, поднялся, вытер грязь с лица и неожиданно широко улыбнулся:

– Спасибо, и вправду стало лучше.

Вася добродушно осклабился:

– Да не за что, чуть что, приходите, у меня еще много.

– Нет уж, – Гарри потер ухо, – как вы, русские, говорите, уж лучше вы к нам. У меня тоже имеется.

– Как получится.

Эта нехитрая сценка разрядила царившее напряжение, и люди разом загомонили, пытаются рассказать друг другу о событии, в котором только что все принимали участие.

Семена наконец отпустило, причем за всё разом. Он поискал взглядом, куда бы сесть, не нашел, плюнул и сел прямо в грязь, нашаривая сигареты. Говорить ему совершенно не хотелось. Хотелось есть, спать и домой. Этот геморрой явно не по нем. Рядом так же устало опустился Агатъев. Помолчали, смоля сигареты. Вокруг устало рассаживались люди. Пора было организовывать хоть что-то, пока они все не позасыпали тут в лужах грязи, как бегемоты.

– Это всё замечательно, господа, – Точилинов старался говорить громко, чтобы все слышали и проникались, – но кто-нибудь может высказать хотя бы предположение, где мы есть?

Кто-нибудь молчал.

– Телепортисты!

Джузеппе Строщи лежал крестом в грязи и смотрел в серое небо. Интерес к общению не проявлял никакого. Китаец выглядел более свежим. Он просто сидел, скрестя ноги, и аутично раскачивался.

– Полковник Ляо Юй!

Нет ответа.

– Друг мой, Се!

Никакой реакции.

– Понятно, – вздохнул Семен. – Вася!

– Не надо Вася, – мгновенно подобрался Ляо Юй, – я просто задумался. Пока идей нет.

– Понял, – Семен иронично посмотрел на Строцци, – Джузи, а вам как, психологическая помощь не требуется?

– Не называйте меня Джузи, – итальянец, вяло побарахтавшись в грязи, медленно сел. – Не требуется. Всё что мне сейчас требуется – это пистолет с одним патроном – застрелиться.

Агатьев покопался в сбившейся портупее и протянул Строцци пистолет.

– Потом вернете, – строго наказал он.

– Непременно, – телепортист автоматически взял оружие, пару секунд смотрел на него, потом перевел взгляд на капитана, видимо соображая, кто из них идиот. Решил, что все-таки он, и со вздохом вернул пистолет:

– Не подойдет, я стреляюсь только из фамильного оружия.

– А есть оно, фамильное оружие?

– Нету, – поник головой Строцци.

– Джузеппе, Ляо Юй, – Семен решил больше не испытывать людей на прочность, – мы понимаем, что вам досталось больше, чем кому бы то ни было, но просим вас продержаться еще чуть-чуть. Нужно срочно понять, куда нас занесло, чтобы, к примеру, не нарваться на еще один дозор нелюдей. Где мы можем быть?

– Полковник, вы видели как был создан телепорт? – поинтересовался китаец. – Совпадение случайностей. Благодаря солянке, которую мы нарисовали, мы можем оказаться где угодно, хоть в Валхалле. После эльфов и орков я готов смириться и с материализацией скандинавских богов.

– Семен Алексеевич, – Агатьев наклонился к Точилинову, – после всех событий, наверное, будет разумным дать людям хоть пару часов на отдых.

– Да-да, ты прав, организуй дозор, посидим хоть немного, а то я всё еще сражаюсь. Боря, – позвал он, – ты не мог бы подсушить нам какой-нибудь пяточок, а то в этой грязи мы долго не просидим.

Борис повернулся, определяя, где будет лучше, и напрягся, готовясь пламенем подсушить хоть немного места. Вдруг нахмурился, недоверчиво хмыкнул и сделал пасс рукой. Струя ревущего пламени из его рукава пропахала колею глубиной в метр и длиной метров пятьдесят. Он оторопело уставился на спекшиеся от жара стенки канавы.

– Боря, – вкрадчиво начал Семен, – а какого хрена с такими способностями мы топтались у каждого укрепления, вместо того чтобы сразу угробить всех халь скопом?

– Семен, ты согласишься, что я понятия не имею, что произошло? Посмотри сам. Смотри, какие тут линии хальер и как они реагируют на воздействие.

Все причастные к магии тут же начали всматриваться в суть мироздания, и тут же послышались удивленные возгласы и замерцали вспышки, сопровождающие заклинания. Пространство наполнилось странными образами и фигурами.

– Действительно, – Точилинов задумчиво рассматривал созданного муравья размером с корову, – размеры были заданы другие. Надо же! Это что? Энергетическое хранилище? Аккумуляторный отсек эльфов? Всё работает как надо. Но размеры, но скорость и сила реакции линий?..

Додумать не получилось.

– Тревога! Тревога!

Первыми *ее* заметили, естественно, разведчики. Им-то было не до магии, по сторонам смотреть за них никто не будет.

Точилинов, услышав вопль, повертел головой, нашел что хотел и вздрогнул. В конце канавы, проделанной Борисом, висела такая же штука, которую они оставили в подарок нелюдям. И, что хуже всего, она медленно приближалась.

– Огонь! – Сначала прозвучал приказ, а уж потом все поняли, почему там, в овраге, эльфы бросились врассыпную.

Ободренные возросшей магической силой, люди от души врезали по непонятной твари всей энергией, накопленной за этот день, который никак не хотел заканчиваться. Посмотреть там было на что. Заклинания всех мастей ударили по твари. И – ничего. Всё исчезло в ней, как в черной дыре, только вздрогнули края с бахромой и проявился слабый рисунок. Еще удар. Тот же эффект. А тварь приближалась. На пути ей попался давешний семеновский фантом муравья. Нечто переменяло курс и прошло по нему, съедая, как в мультфильме, кусок за куском. Семена осенило:

– Маги, отставить! Прекратить огонь! Она же магию жрет! Капитан, давай!

Агатьев все понял правильно. Автоматные очереди прошли существо без всякого видимого эффекта.

– Гранаты!

Взрыв, еще, еще. И вдруг – как будто в цистерну с бензином бросили спичку. Рвануло как хорошая авиационная бомба. На несколько секунд воцарилась полная тишина. Затем бугры грязи, в которые превратились разбросанные люди, начали шевелиться и издавать сдавленные звуки, очень напоминающие расхожие ругательства. На месте взрыва зияла воронка диаметром в несколько метров.

– Повезло, – прокомментировал капитан, заглядывая в воронку, – канава ударную волну вверх направила. Была бы эта зараза на открытой местности, мы бы сейчас не разговаривали. Что это было, бойцы?

– Зажигалка, командир. Из последних, что привезли. Бетонную стену, говорят, прожигает.

– Начет бетонных стен не знаю, а вот этих тварей, если, не дай бог, появятся, будем жечь именно ими. Сколько у кого есть?

Набралось пятнадцать штук.

– Это хорошо, что вы у меня такие запасливые, – Агатьев ухмыльнулся, – я не думаю, что эти штуки, с их-то аппетитом, стадами здесь бродят.

– Это почему же? – встрял ван дер Хорн, голландец, как и Семен, специализирующийся на магических созданиях.

– А потому, – отрезал капитан, – что если это не так, то смысла отсюда уходить нет. Спокойно дождемся, пока за нами придут. Гранат-то всего пятнадцать.

– А-а-а, – голландец умолк, переваривая такое логичное объяснение.

– Тревога!

«Нет, – простонал про себя Точилинов, – только не это. Хрен с ними со всеми, жрите, сволочи». Для одного дня все-таки это перебор. Ученые, уже вообще никак не реагируя, со спокойствием смертников начали осматриваться. Даже академический интерес в глазах появился, мол, ну чего там еще? От чего на сей раз помирать будем?

– Эльфы! Гномы! Орки!

«Нет, разведчики все-таки не люди, – с умилением задумался Точилинов, – это терминаторы какие-то». На очередную пакость судьбы они отреагировали как на новую вводную. Мгновенно заняли круговую оборону. Только на сей раз еще и облегчение с задором в глазах – оружие-то стреляет.

– Зажигательные беречь!

«Памятник мужику поставить», – пропыхтел про себя Семен. Умница капитан еще и надежду людям дает. Раз зажигательные беречь, значит, еще не конец, еще будет «потом», для которого зажигательные беречь надо.

Автоматные очереди вспороли воздух.

– Не стреляйте, – над одной из кочек появилась палка, раскачивающаяся из стороны в сторону, – не стреляйте, мы не враги вам.

– Прекратить огонь, – скомандовал Агатьев и выразительно посмотрел на Точилина, мол, ваша очередь.

Гротеск какой-то. Нелюдь, незаметно подобравшаяся к человеческим магам и военным, которые только что в нее стреляли, кричит, что она – «не враги». А кто?

– Кто вы такие и что вам надо?

– Вы можете звать нас «вольды», а надо, судя по всему не нам, а вам. Мы мимо шли – и решили, что вам будет нужна помощь. Не стреляйте в меня, пожалуйста.

Нет, не гротеск. Обычный горячечный бред. Мозг отказывался адекватно воспринимать происходящее. За день произошло столько, что Семен просто лежал на земле и тупо смотрел пред собой. Надо было принимать решение, а голова не работала совершенно. Хорошо разведчикам, они поймали в прицел кого-то и лежат, ждут приказа – того-с или не того-с. А ты тут думай.

– Я встаю.

Кочка медленно распрямилась, превратившись в странно одетого глемма. С виду глемм и глемм, невысокий, как вся их раса. Мощный. Короткая шея скрыта густой бородой. Широкий нос. Большие глаза, не подходящие размером к лицу. Двигается только непривычно мягко. Наверное, из-за отсутствия доспехов. Точилинов привык видеть глеммов в основном закованными в броню. Страшные противники в рукопашной, из-за неё они передвигались не очень быстро. Не ползли как черепахи, но и не носились молниями, как те же торки, к примеру. Этот двигался явно по-другому: мягче, быстрее, как будто перетекал с одного места на другое.

Нет, ну не будет же противник, окруживший группу, так подставляться под пули. Семен еще успел мельком (времени качественно изумляться не было) удивиться. Раскатистый язык глеммов, ясно слышимый на таком расстоянии, воспринимался как абсолютно родная речь, понятная и простая. Неужели это магия тут сама так работает? Позже. Это ждет, сейчас горит другое.

– Я встаю, – повторил глемм.

«Черт с ним, – решил наконец Точилинов, – пусть идет сюда». В конце концов, если Господь Бог решил их вывести, то так и будет, а для того, чтобы сдохнуть сегодня, и так была такая масса возможностей, что весь лимит везения выбран на десять лет вперед.

– Подойдите, мы не будем стрелять.

Почти квадратный глемм так же неспешно побрел в их сторону. Все молча смотрели на мощную фигуру приближающегося нелюдя, не в силах вот так сразу уложить в голове, что это не диверсант и не парламентар победившей стороны. Так просто, шел себе мимо... Тот тем временем подошел и, спокойно глядя на ошетилившуюся группу, представился:

– Теренсмарант-идалил, к вашим услугам, – снизу вверх посмотрел на впавшего в некоторое замешательство Семена глемм и с легкой улыбкой поправился: – Вы можете звать меня Теренс.

И умолк.

– Семен Алексеевич Точилинов, – полковник тоже замолчал.

Глемм неожиданно улыбнулся:

– Вы, судя по некоторой нервозности, прямоком из Зеленого Лепестка? Из этой заварушки, да?

Точилов поднял бровь. Издевается он, что ли? Откуда они еще могли свалиться, как не с фронта? Или тут людей каждый день видят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.